

Виктор Алеветдинов

ГОРОД БЕЗ ГОЛОСА

Книга **8**

ПРАВИЛА ЧЁРНОГО ДРАКОНА

Правило **VIII**

Говори знаками — плата будет двойной

ГОРОДСКОЕ ФЭНТЕЗИ

18+

Виктор Алеветдинов

**Город без голоса. Книга 8.
Правила Чёрного дракона**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Город без голоса. Книга 8. Правила Чёрного дракона /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Ребёнок падает на уступ у воды. Марина зовёт на помощь — её никто не слышит. Так в Хабаровск приходит немота. Телефонные сообщения исчезают, а жест, которым пытаются спасти человека, заставляет прохожих идти навстречу опасности. Скрипачка Марина и её друзья создают общий язык знаков, чтобы город мог жить. Но Белый Регистр превращает их словарь в систему приказов. Теперь чужую волю можно подчинить одной отметкой. Помочь разобраться в немом городе может Алина, давно потерявшая слух. Но теперь для всех действует Правило VIII: «Говори знаками — плата будет двойной». Как вернуть городу голос, если любая попытка помочь близким может лишить их права решать за себя?

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Утро без звука	5
Глава 1. Вода не отвечает	5
Глава 2. Пауза между шагами	9
Глава 3. Пустые сообщения	13
Глава 4. Стрелка для детей	17
Глава 5. Зелёный для всех	21
Глава 6. Палата без вызова	25
Глава 7. Вокзал выбирает пассажира	29
Глава 8. Шесть простых знаков	33
Глава 9. Цена понятности	37
Часть 2. Двойная плата	41
Глава 10. Стена ведёт в шов	41
Глава 11. Два списания	45
Глава 12. Записка становится долгом	49
Глава 13. Удобное решение	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Алеветдинов

Город без голоса. Книга 8.

Правила Чёрного дракона

Часть 1. Утро без звука

Глава 1. Вода не отвечает

Марина коротко провела смычком по открытой струне. Скрипка дрогнула у ключицы, но ноты она не услышала. За спиной скрипнул велосипедный тормоз, и этот обычный звук заставил её задержать смычок над струнами.

Она стояла у ограждения хабаровской набережной. На поручне блестела влага. Максим поставил футляр на скамью и поправлял застёжку куртки. Вчера они вернулись с Нижнего Амура. Несколько суток назад восстановили Печать устья, и Марина принесла скрипку, чтобы проверить связь города с рекой.

Продольная трещина на смычке оставалась у колодки. Марина не стала сильнее натягивать волос: для проверки должно было хватить короткой ноты.

— Ты слышал? — спросила она.

Максим поднял голову.

— Что?

Свой вопрос Марина тоже не услышала. Коснулась шеи и повторила его. Максим нахмурился, глядя ей в лицо, и подошёл к ограждению.

Марина отступила от воды. Под подошвами кончились доски, каблук встал на каменную плиту, и она услышала собственный вдох. Дальше по набережной велосипедист говорил по телефону. Его голос был вполне различим, пока мужчина не свернул к ограждению: последние слова исчезли, хотя рот продолжал двигаться.

— Максим.

Он обернулся и вышел с настила вслед за ней.

— Здесь слышно, — сказала Марина. — А там нет. Скрипка отзывается в руке, струна ходит. Звук пропадает между нами.

— У воды?

— Пока только там.

— Сыграй отсюда.

Марина поставила скрипку под подбородок. Нота получилась слабой, но слышимой; над водой ничего не изменилось.

Марина положила скрипку в футляр и оставила смычок в руке: собиралась осмотреть трещину. Максим наклонился над крышкой, убирая под неё ремень.

Мальчик в синей куртке пробежал мимо скамьи. У ограждения он присел, просунул руку между прутьями и потянулся вниз. За ним на каменных плитах шла женщина, занятая молнией на раскрытой сумке. Марина увидела её поднятое лицо в ту же секунду, когда носок детского кроссовка соскользнул с края настила.

Мальчик схватился за нижнюю перекладину, перевалился под ней и упал. Удар о бетон Марина заметила по тому, как дёрнулось его плечо. На нижнем уступе он лёг на бок, потом перекатился к опоре. До воды оставалось меньше вытянутой руки.

— Стойте! Ребёнок внизу!

Марина бросилась к поручню. Она перестала слышать собственный крик, едва ступила на доски. Женщина всё ещё шла к скамье. Двое мужчин обогнули её, не оборачиваясь; один нёс бумажный стакан, и крышка подпрыгивала у него в пальцах в такт шагам.

Марина ударила по ограждению основанием ладони. Металл отозвался болью в запястье, но никто не посмотрел. Она свистнула и снова открыла рот, прежде чем поняла, что лишь теряет время. Внизу мальчик пытался встать. Мокрая подошва съехала, и он сел, упершись ладонями в бетон.

Максим закрывал футляр, стоя спиной к воде. Марина подняла руку, но между ними прошла женщина с сумкой.

Она отбила каблуком три удара, сделала паузу и повторила. Доски прогнулись, вибрация прошла под ногами. Максим замер, ладонь осталась на крышке футляра. В следующий миг он посмотрел на неё.

Марина прижала локоть к боку и указала вниз. Максим подошёл, опёрся о верхний поручень и увидел мальчика. Его взгляд задержался на узком уступе у бетонной опоры. Он снял куртку, перекинул её через прутья и встал на нижнюю перекладину.

Максим перенёс ногу через ограждение и нашёл подошвой выступ на опоре. До уступа ему предстояло опуститься на руках. Марина прижала смычок к перекладине левой ладонью, освобождая правую: при подъёме понадобится помощь.

Женщина наконец подошла к ограждению. Она посмотрела вниз, и сумка упала ей к ногам. Марина поймала её за локоть, когда та попыталась пролезть между прутьями вслед за Максимом. Женщина вырывалась, указывала на ребёнка и шевелила губами. Марина видела, как раздуваются крылья её носа, но не могла услышать даже дыхания.

Нужно было привести помощь и отодвинуть людей от края. Марина повернулась к проходившим мужчинам, вытянула правую руку и указала на мальчика. Мужчина со стаканом остановился. Второй заглянул через поручень.

На мокром парапете проступила белая черта. Она прошла под её ладонью и повернула у основания прута, повторяя направление указательного пальца. Влага на бетоне собралась вдоль белого края.

Мужчина со стаканом шагнул к ограждению. Его спутник двинулся следом, хотя проход уже заняла женщина. Велосипедист поставил велосипед у скамьи и тоже подошёл. Марина махнула им назад, но первая линия не исчезла. Белый угол на парапете стал острее, а мужчина протиснулся между нею и матерью мальчика.

Она ткнула пальцем в нижний уступ, пытаясь показать, где нужна помощь. Все трое подались вперёд. Мужчина со стаканом поставил ногу на перекладину и начал переваливаться через неё, не выпуская напиток. Теперь Марина видела его лицо вблизи: он смотрел вниз с растерянным раздражением, словно ноги уже сделали то, чего он ещё не успел решить.

Под ним Максим прижался грудью к опоре. Чужая подошва нащупывала тот же выступ; если мужчина спустится, им негде будет разойтись.

Марина опустила руку, но белая черта продолжала светиться. Она спрятала руки за спину, прижимая к себе смычок, и шагнула между людьми и поручнем. Мужчина упёрся ей в плечо. Она развернулась боком, сдвинула его колено с перекладины своим бедром и заняла место у ограждения.

Он навалился ещё раз. Марина ударилась плечом о прут, зубы стукнули друг о друга. За спиной хрустнуло дерево: смычок оказался зажат между её ладонью и металлом. Она вынесла левую руку вперёд, не позволяя себе посмотреть на трещину, и вцепилась пальцами в край мужской куртки.

Марина упёрлась ступнёй в нижнюю перекладину и перекрыла проход всем телом. Мужчина попробовал обойти её, встретился с её взглядом и остановился. Его спутник столкнулся с ним и заморгал.

Белый угол распался, влага затекла в бороздку. Велосипедист отступил, подхватил сумку женщины и отошёл к скамье.

Марина повернулась к мальчику. Он сидел у опоры, обхватив себя поперёк груди. Максим уже стоял на уступе, но добраться до ребёнка мешало небольшое углубление в бетоне. Над ним выступал ржавый край крепления, о который мальчик зацепился курткой.

Максим присел и протянул ладонь. Ребёнок тряхнул головой. Он сжимал ткань у шеи; с каждым его движением куртка натягивалась сильнее. Марина невольно подняла правую руку, собираясь показать, где застрял подол, и тут же прижала её к груди. На парапете ещё виднелся белый след. Одного такого указания уже хватило, чтобы люди полезли за ограждение.

Максим опустил на одно колено, давая ребёнку разглядеть пустые руки. Потом заметил натянувшуюся ткань и высвободил подол из крепления. Мальчик сразу попытался вскочить. Максим поймал его за пояс, усадил обратно и остался рядом, пока ребёнок не перестал вырываться.

Марина убрала Smyчок за пояс. Женщина рядом прижалась лбом к поручню и смотрела на сына, не пытаясь перелезть.

Максим посадил мальчика себе на согнутое бедро. Тот ухватился за его плечи. Подъём занял больше времени, чем спуск: на мокром выступе нога Максима съезжала, а обе руки были заняты ребёнком. Он повернулся к опоре, прижал мальчика грудью к себе и освободил правую ладонь.

Марина вынула Smyчок из-за пояса и положила на доски. Сняла куртку, пропустила рукав под перекладиной и сжала оба конца. Максим ухватился за ткань, чтобы не откинуться назад, пока ставил ногу на выступ. Натянув куртку, Марина прижалась ушибленным плечом к ограждению.

Мать мальчика опустилась на колени и просунула руки между прутьями. Максим приподнял ребёнка. Женщина поймала его под мышки, Марина взяла за пояс, и вдвоём они втянули его на настил. Мальчик прижался лицом к матери. Куртка Максима соскользнула с поручня, упала в воду и поплыла вдоль опоры.

Максим поднялся следом. Когда его локоть лёг на верхнюю перекладину, Марина ухватила его за предплечье и помогла перенести ногу. Максим сел на доски. На брюках у колена темнело мокрое пятно, сквозь разорванную ткань проступала кровь.

Там, где куртка Максима коснулась воды, должны были разойтись круги. Вместо них Марина увидела короткую полосу, оборванную с обоих концов. Ниже по течению возникла вторая. Она проследила их взглядом и насчитала восемь прерывистых следов, прежде чем куртку затянуло за опору.

Восьмая полоса тянулась против течения. Марина пересчитала следы ещё раз, но знакомой метки среди них не увидела.

Максим коснулся её локтя. Они вышли с настила к скамье, и вернулся звук. Мальчик плакал, не давая матери осмотреть содранную ладонь. Велосипедист уже говорил с диспетчером скорой; он сделал несколько шагов вверх от воды и объяснял, где ждать машину.

— На бетон упал, — сказала женщина. — Я только сумку...

Она обняла сына, не договорив. Марина присела рядом.

— Не заставляйте его вставать. Помощь едет.

Максим стоял на каменных плитах и разглядывал рассечённые пальцы. Марина достала из футляра салфетку и протянула ему. Он взял её, зажал ладонь и посмотрел на плечо Марины.

— Руку подними.

Она попробовала. На половине движения боль пошла к шее, и рука опустилась.

— Об ограждение ударилась.

— Видел. Зачем они полезли вниз?

— Я показала на ребёнка. Линия появилась под рукой, и они пошли туда, куда я указала. Пыталась отогнать — подходили ещё ближе.

Максим посмотрел на настил. С этого места белая черта уже не была видна.

— Жест сработал как команда?

— Похоже. Перестали, когда я встала поперёк. Там ещё восемь следов на воде. Вместо кругов.

— В Дом нужно сообщить, — сказала Марина. — Проверить остальную набережную. Мы знаем только про этот участок.

Она подобрала с настила смычок и вернулась к скамье. Трещина удлинилась на несколько миллиметров, и край дерева теперь цеплял кожу. Проверку музыки придётся отложить.

— Марина, в следующий раз дай мне ответить.

— Ты увидел мальчика. Я только показала.

— И ты уже ждала, что я полезу. Я это видел.

— Ребёнок мог упасть в воду.

— Поэтому я спустился. Сам решил. Но одним движением руки отправлять меня туда нельзя.

Марина опустила крышку футляра. Они привыкли понимать друг друга без слов. Но сегодня её жест уже повёл к воде троих людей, которым она собиралась показать опасность.

— Не успела спросить, — сказала она.

— Тогда дождись хотя бы, чтобы я посмотрел на тебя и ответил. Мне тоже нужно знать, куда ты меня посылаешь.

Она кивнула, затем заставила себя произнести ответ.

— Хорошо. Буду ждать.

Максим сел рядом с футляром. Марина прикрыла салфеткой порез у него на пальце, не пытаясь повернуть его руку. Он сам разжал ладонь. С воды потянуло холодом, и она только теперь заметила, что оба остались без курток.

Телефон в кармане завибрировал. Перед этим Марина успела сообщить в группу Дома о неом участке набережной. Теперь пришло сообщение от Лизы. Марина открыла переписку: под именем дочери было пустое поле с сегодняшним временем отправки. Максим встал и посмотрел через ограждение.

Марина повернулась следом. У опоры восемь полос стянулись ближе друг к другу. Две соединились под углом, и на воде сложилась галочка — такую Марина обычно ставила, подтверждая полученное сообщение. Она отвела телефон от реки. Палец оставался на краю корпуса, пустое сообщение Лизы было открыто, а знак согласия на воде уже замкнулся.

Глава 2. Пауза между шагами

Алина остановилась у края Комсомольской площади и отступила обратно на плиту. Между двумя шагами возникла пауза, которой здесь прежде не было. Она посмотрела в сторону Амура: у спуска к набережной белел узкий промежуток между движущимися людьми, хотя солнечный свет ещё не дошёл до их ног.

Мужчина у светофора нажал кнопку вызова и наклонился к динамику. Алина не слышала оповещения и раньше. Мужчина нажал ещё раз и оглянулся. Женщина рядом заговорила, затем приложила пальцы к горлу.

Алина достала телефон. До Дома она шла по согласованному с Лизой маршруту. Его проверили вместе: Алина знала, с какого края подойти к лестнице, чтобы видеть встречающих людей. Теперь она написала в группе Дома: «У площади меняется пауза. Люди не слышат оповещение». После отправки текст исчез. Под её именем осталось пустое поле.

Она набрала текст заново и оставила в черновике. Мужчина у светофора дотронулся до её плеча и показал на динамик.

— Не слышу, — сказала Алина. — Обычно тоже. Что случилось?

Мужчина ответил, отвернувшись, и Алина не разобрала слов по губам. Протянула ему телефон с просьбой написать.

Он набрал под её строкой: «Я вас слышал. Теперь вообще тихо».

Алина посмотрела на светофор. Зелёный свет ещё горел, а пауза у воды уже вытянулась к площади. Она ощущала её как пропущенную долю, на которой нога ждёт опоры дольше обычного. Это не объясняло, что случилось со звуком. Но перемена началась раньше, чем погасли цифры.

Мужчина шагнул к бордюру. Алина коснулась его локтя и указала на вход в подземный переход. Он посмотрел на проезжую часть, где двигалась машина, и повернулся к лестнице. Женщина пошла за ним.

Внизу светилось табло со стрелкой к дальнему выходу. Под ним висел шнур с вынудой вилкой. Алина спускалась у перил. Молодой человек с рюкзаком обошёл её, заговорил со спутницей и вдруг остановился. Девушка схватила его за рукав, но он смотрел на неё так, словно ждал начала фразы.

Табло погасло. Зелёная пиктограмма выходящего человека осталась на чёрной поверхности, а стрелка повернулась к боковой лестнице. У нижней ступени той лестницы стояла решётчатая калитка. Через неё был виден прижатый к стене мешок с обломками плитки.

Этот выход вчера закрыли для ремонта, и Лиза отметила на схеме другой. Однако мужчина со светофора уже свернул к калитке. Молодой человек с рюкзаком пошёл следом за ним, увлекая спутницу.

Алина взяла мужчину за рукав. Он показал на зелёную стрелку. Она покачала головой и указала на решётку, но мужчина только раздражённо дёрнул плечом. В переход спускались новые люди. Им было видно, что впереди идут к выходу, и они сворачивали туда же.

Алина прошла вдоль стены и стала перед калиткой. Мужчина остановился, упершись ей в ладонь. В ту же секунду белый промежуток появился между его ботинком и ступенью. Он переступил через него, хотя нога уже стояла у преграды, и прижал Алину к решётке.

Она оттолкнула его ладонь от своего плеча. Мужчина вздрогнул и посмотрел на собственную руку. За его спиной девушка врезалась в рюкзак спутника; поток ещё двигался, а впереди места не осталось.

— Здесь закрыто, — сказала Алина.

Мужчина смотрел на её губы. Потом снова потянул запертую калитку.

Алина подняла руку, показывая на дальний конец перехода. Двое ближайших повернулись. Она сделала шаг вдоль стены, и они повторили её движение. За ними повернулась женщина со светофора. На несколько мгновений проход освободился.

Тогда Алина указала дальше, где над ступенями просматривалось утреннее небо. Белая полоса легла между её подошвой и плиткой. Женщина шагнула в ту же точку, оттеснив девушку с сумкой. Мужчина взял Алину за предплечье и протолкнул вперёд. Теперь он ждал, чтобы она снова подняла руку.

Первого поворота людям хватило, чтобы принять её за проводника. Алина опустила ладонь, но они продолжали тесниться к ней. Если пойти, они пойдут по её следу; если остановиться, задние прижмут передних к стене.

Она прижалась спиной к плитке и перестала задавать направление. Молодой человек с рюкзаком шагнул мимо, но его спутница осталась у калитки. Ремешок сумки зацепился за край решётки. Девушка потянула его, согнулась и исчезла за чужими плечами.

Алина ударила мужчину ладонью по груди, заставляя отступить, и протиснулась обратно. Девушка сидела на полу. Её правая нога была согнута под неестественным углом, а подошва упиралась в стойку калитки. При попытке встать она скривилась и опустилась снова.

Молодой человек заметил её отсутствие и вернулся. Алина показала ему застрявший ремешок, и он снял его с решётки. Затем она набрала в телефоне: «Где больно?» Девушка прочтала, взяла аппарат и ответила: «Щиколотка. Наступить не могу».

Алина опустилась рядом и поставила сумку девушки ей за спину, чтобы та могла опереться. Пока девушка устраивалась, поток на несколько секунд задержался. Мужчина стоял над ними, перекрывая проход, но всё время поглядывал на зелёную пиктограмму. Ещё один человек попытался обойти его и потянул запертую калитку.

До открытого выхода было меньше двадцати шагов. Но белые промежутки возникали там, где ожидали её следующего движения, и тянулись от чужих ног к её ногам.

В боковом проходе она заметила другую паузу, тёмную и неровную. Решила, что там осталось свободное место, и повернула голову. Мужчина сразу двинулся туда. Лишь когда он заслонил стену, Алина увидела низкую дверь подсобки, возле которой лежал опрокинутый совок. Она поймала мужчину за пояс куртки. Он остановился и оттолкнул её руку.

Смысл в паузе она додумала сама. Ещё одна такая ошибка привела бы людей в тупик.

Алина достала из бокового кармана сумки фонарь. После потери слуха она носила его, чтобы привлекать внимание в темноте. Сейчас маленький луч лёг на ладонь мужчины. Тот протянул руку за фонарём.

Она развернула блокнот и написала: «Я вижу открытую лестницу. Где хочешь выйти ты?» Мужчина прочитал и посмотрел на лестницу. Алина подала фонарь, оставив ему возможность выбрать, куда светить.

Он оглянулся на калитку и взял фонарь. Направил луч на первую ступень открытого выхода. Белый промежуток возле его ботинка не исчез, но перестал тянуться к Алине.

Мужчина прошёл несколько шагов и остановился: женщину позади опять подталкивали. Он повернулся к людям и заговорил быстрее, чем Алина могла следить за его губами.

— Напишите, — сказала она и подняла блокнот. — Я не разберу.

Мужчина вернулся и взял ручку. «Вы знаете, как с этим говорить. Покажите всем».

Девушка у калитки закусила губу. Алине хотелось поднять руку и вывести всех сразу, но белые полосы уже собирались у носков её обуви.

Она написала под словами мужчины: «Я не перевожу. Могу ошибиться. Нужен ещё один ведущий. Выберите его сами».

Он перечитал, нахмурился и повернул блокнот к женщине. Та взяла ручку. «Что делать мне?»

Алина указала только на свою ладонь и протянула её женщине. Дождалась, пока та вложит в неё пальцы, потом слегка сжала их. Женщина ответила. Алина разжала руку и написала: «Я почувствовала ваш ответ. Спросите следующего».

Женщина повернулась к мужчине с фонарём. Коснулась его предплечья, показала на перила у открытой лестницы и остановилась. Он посмотрел, куда она предлагает идти, затем сам положил ладонь на перила. После этого взял её руку и сжал пальцы в ответ.

Белая полоска между ними не дотянулась до следующей ступени.

Женщина прошла к перилам. Здесь можно было протянуть руку следующему, оставаясь в стороне от прохода.

Молодой человек с рюкзаком показал Алине экран телефона. Он набрал: «Как вынести её?»

Алина повернула аппарат к девушке. Та прочитала вопрос и посмотрела на спутника. Он присел, подставив плечо. Девушка положила на него руку, но второй рукой взялась за сумку, показывая, что не готова подняться.

Алина осталась на корточках. За спиной давили люди. Она забрала сумку девушки и подождала, глядя ей в лицо.

Девушка выдохнула, разжала пальцы и потянулась к её плечу. Они подняли её вдвоём. Она попробовала коснуться носком пола, скривилась, и Алина остановилась, прежде чем они потеряли равновесие.

Женщина у перил увидела остановку. Протянула руку ближайшему человеку и дождалась ответного сжатия. Он отступил к стене. Следующий освободил место, лишь когда посмотрел на раненую девушку. Проход расширялся медленно, но теперь люди смотрели на пострадавшую, а не ждали движения Алины.

У лестницы мужчина с фонарём опустил луч на ступень. Женщина рядом повернулась к пожилому человеку, придерживавшемуся за стену. Он дотронулся до перил, она положила свою ладонь возле его руки и слегка коснулась пальцев. Он ответил нажатием. Только после этого она шагнула вверх.

Алина со спутником девушки добралась до первой ступени. Здесь пришлось остановиться: им не хватало места, чтобы поднять её одновременно. Мужчина с фонарём вернулся вниз, предложил свою руку. Девушка взялась за неё, и они помогли ей подняться на следующую ступень.

На середине лестницы Алина посмотрела назад. Возле калитки оставался белый промежуток шириной со ступню. Никто не стоял в нём, но он не сужался, хотя люди уже выходили. Она почувствовала задержку в дыхании и отвернулась, не пытаясь понять, куда этот промежуток мог бы их привести.

Наверху девушка опустилась на край ступени. Её спутник сел рядом и достал телефон. Мужчина с фонарём набрал на своём экране номер, приложил аппарат к уху, затем покачал головой. Он показал Алине вызов: соединение состоялось, время шло.

Алина написала в блокноте: «Не знаю, слышат ли вас. Мой текст исчез после отправки». Мужчина прочитал и принялся набирать сообщение.

Женщина со светофора стояла у выхода. Она дождалась, пока пожилой человек доберётся до площадки, и помогла ему сесть. Мужчина передал ей фонарь. Она подошла к Алине и показала его. Алина протянула открытую ладонь. Женщина вложила в неё фонарь, а другой рукой коснулась её запястья.

Алина ответила на прикосновение. Женщина улыбнулась и вернулась к пожилому человеку.

За время подъёма солнце добралось до верхних ступеней. Алина посмотрела на часы: короткий переход отнял почти четверть часа. Девушка осторожно расшнуровывала ботинок. На щиколотке уже припухла кожа, и продолжать путь она не могла.

Алина вырвала страницу с записью о том, что не умеет переводить паузы. Передала её мужчине со светофора и показала на себя, потом на дорогу к Дому. Он прочитал ещё раз и кивнул. Женщина осталась рядом с пострадавшей; ждать помощи они собирались вместе.

Алина убрала блокнот, но прежде чем уйти, обернулась к переходу. Зелёная пиктограмма исчезла. Вилка шнура по-прежнему висела под погасшим табло. На чёрной поверхности проступили белые буквы. Алина спустилась на ступеньку и подняла фонарь: над опустевшим переходом стояло слово «ПОДТВЕРЖДЕНО».

Глава 3. Пустые сообщения

Лиза набрала матери: «Ты ещё у воды?» — и задержала палец над кнопкой отправки. На экране фраза оставалась целой. В переписке выше стояло имя Марины и пустое сообщение, пришедшее двадцать минут назад; ответа на Лизин вопрос о возвращении тоже не было.

Она отправила новую строку. Буквы исчезли прежде, чем рядом появилась отметка доставки. Лиза закрыла переписку, открыла снова и нажала на пустое поле. Телефон показал время отправки и её имя. Всё остальное исчезло.

Из кухни донёсся стук чашки: здесь звук ещё сохранялся. Лиза подключила телефон к ноутбуку и открыла копию переписки. Пустые сообщения были и там.

— Виктор, подойди.

Он появился с чашкой в руке. Лиза повернула к нему экран.

— От мамы пришло это. От Алины тоже. Мои сообщения пропадают после отправки.

— Только в телефоне?

— Проверяю. Пока не трогай сеть.

Лиза открыла внутреннюю почту Дома и написала одну фразу: «Чашка стоит на столе». Виктор поставил чашку возле клавиатуры. Она оставила письмо без адресата, скопировала текст в обычный файл и распечатала. Принтер под столом втянул лист; Виктор достал его и прочитал вслух.

— Чашка стоит на столе.

— Теперь адрес.

Она выбрала его учётную запись. Текст сохранился, пока указатель не коснулся кнопки отправки. После нажатия окно побелело. На соседнем мониторе появилась новая строка журнала: письмо принято, автор — Елизавета Морозова. Ниже было пусто.

Виктор придвинул лист к экрану и переставил чашку подальше от проводов.

— На бумаге осталось, — сказал он. — Дай посмотреть отправленное.

Лиза открыла запись. Поле получателя заполнилось правильно. Под именем Виктора возникло слово «Согласие», хотя он не заходил в почту и не подтверждал получение.

— Ты нажимал что-нибудь?

Он показал ей обе руки.

— Только чашку переставил.

Лиза записала время на распечатке. Рядом поставила своё имя, но не стала подписывать лист за Виктора. Он взял ручку и добавил: «Письмо не открывал».

Она потянулась к телефону, чтобы переслать снимок матери, и остановилась. Следующее письмо могло сделать адресата участником того, чего он не выбирал.

— Автоматические подтверждения выключишь? — спросила Лиза.

Виктор поставил чашку на полку.

— Выключу. Но сначала снимем копию журнала.

Она сохранила журнал на отдельный носитель и открыла проводную связь с дежурным постом. Набрала число. Оно сохранилось, пока она не выбрала получателя и не передала запись.

В этот раз под ним появилось имя дежурного. Лиза отдернула руки от клавиатуры.

— Я отправитель. Почему теперь автор он?

Виктор подошёл ближе. Пока они смотрели, журнал дописал: «Подтверждено принимающей стороной».

— Потому что пост считается его, — сказал он. — Закрепили человека за местом и записали ответ без него.

Лиза поднялась и пошла к входу. За стеклянной дверью дежурный смотритель поправлял край коврика. Она постучала по раме, дождалась, пока он подойдёт, и спросила, получал ли он сообщение.

— Экран мигнул, — ответил тот. — Слова не было.

— Подтверждал?

— Чем? Я к нему не подходил.

В серверной смотритель прочитал журнал и записал на распечатке, где находился в момент отправки. Две записи в журнале приписывали людям действия, которых они не совершали.

Дежурный вернулся к входу. Лиза посмотрела на распечатку. Принтеру она не назначала право отвечать. В почте же имя получателя становилось готовым местом для ответа.

— Содержание стирают, а связь оставляют, — сказала она. — Им хватает, что один обратился к другому. Потом сами дописывают, кто согласился.

— Это наша версия, — напомнил Виктор. — На улицу с ней как с правилом не идём.

— Но подтверждения уберём. Иначе сами добавим записи о чужом согласии.

Он вернулся к своему столу и отключил подтверждения доставки. Лиза убрала из внутренней почты автоматический ответ дежурного поста. Нового сообщения она не отправила: проверять, удалось ли перекрыть эту возможность, на чужом имени не хотелось.

Старый терминал у стены попросил подтвердить владельца, не смог собрать неполный профиль Лизы и оставил поле пустым. Раньше эта задержка раздражала её. Сегодня Лиза не стала её исправлять.

Она открыла местный журнал. Написала: «Лиза, серверная, вижу пустые сообщения». Запись осталась после сохранения. Терминал не подставил чужую подпись и не предложил готового ответа.

— Здесь автор не определён, — сказала она. — Не за что зацепиться автоматически.

— Для этой записи, — уточнил Виктор.

— Да. Для этой.

Местный журнал не мог показать, что случилось с матерью. Лиза открыла городской аварийный контур: обращения жителей могли указать, где распространилась немота.

Проверка имени прошла до половины и остановилась. Внизу появилась давно знакомая надпись о неполных сведениях владельца. Лиза попробовала вход через учётную запись Дома. Система потребовала личное подтверждение оператора.

— Не пустит, — сказал Виктор, глядя на экран.

— Вижу.

Она нажала на отказ от восстановления профиля. Окно закрылось, оставив перед ней местный журнал с единственной сохранённой записью. Защищённый угол оказался без выхода к городским данным.

Лиза достала на кухне бумажный журнал Дома. На вчерашней странице стояла подпись Марины о возвращении. Ниже оставалось место для утреннего обхода.

Лиза написала: «Связь с набережной не подтверждена». Перечитала и зачеркнула слово «набережной»: она знала только, куда мать собиралась идти. Пустое сообщение не показывало, где Марина. Получилось: «Связь с Мариной не подтверждена».

Лиза отметила проведённую проверку и подвинула Виктору ручку.

— Напиши, что видел ты.

Он прочитал её запись.

— Разделять будем по людям?

— Пока да. Иначе у нас будет аккуратная страница, где все якобы согласились.

Виктор дописал свои наблюдения. Лиза раскрыла бумажный план квартала. Участок у воды она обвела карандашом, но вместо отметки о немоте поставила вопрос. Самой выйти казалось быстрее. Но тогда вернувшихся зрителей снова встретили бы пустые сообщения.

— Я остаюсь на связи, — сказала она. — Здесь. Пока можем говорить, будем собирать свидетельства лично.

— А Марина?

— К ней пойдут двое. Если найдут, принесут её запись. Просить разрешения через пустую строку не буду.

Виктор кивнул и открыл ящик с крепежом. На дверце кухни висела электронная отметка присутствия: небольшой экран показывал, кто находится внутри. Сейчас он отмечал присутствие дежурного у входа. Виктор снял питание, отвинтил крепление и положил экран в ящик.

На его место он прикрепил картонную метку на петле. Когда дверь открывалась, метка показывала другую сторону. Виктор проверил её и закрепил на плане Дома деревянную стрелку на штифте, направив к входу.

— Вот это говорит только о двери, — сказал он. — О человеке придётся спрашивать.

Лиза взяла со стола чистые карточки. На первой написала «Дом — улица» и оставила ниже место для наблюдения. Ей хотелось заранее разделить карточки по значениям, чтобы человек мог выбрать нужную без долгого объяснения. Она посмотрела на снятый экран и отложила ручку.

— Только слова того, кто видел, — сказала она. — И время.

— Одной карточки мало.

— Будут двое.

— Два человека могут повторить одну ошибку.

Лиза посмотрела на оставленное для записи место. Второму человеку нужно было убедиться, что запись означает для автора то же, что для получателя.

— Один пишет, другой спрашивает, что имеется в виду, — сказала она. — Оба возвращаются. Здесь повторяем вопрос.

— А если автор не хочет, чтобы его слова передавали?

— Карточка остаётся у него.

Виктор подвинул ей ножницы. Лиза разрезала большой лист на четыре части. В коридоре показались двое зрителей, пришедших сменить дежурного. Она позвала их к столу и объяснила, что нужно найти Марину у воды. Один сразу взял карточку, второй спросил, что делать, если набережная уже закрыта.

— Вернуться и сказать, где остановились, — ответила Лиза. — Проход искать не надо. Сначала проверите друг с другом, одинаково ли поняли.

Первый зритель прочитал надпись «Дом — улица».

— Значит, мы передаём распоряжение Дома?

Лиза забрала карточку и зачеркнула заголовок. Он заранее задавал смысл ещё не сделанной записи.

— Нет. Это была моя неудачная надпись. Вы приносите то, что сами увидели. Мама пишет только то, что хочет передать. Пустой лист ничего не подтверждает.

Зрители обсудили путь. Один предложил верхний спуск, второй возразил, что оттуда не видно настила. Они договорились подойти с площади и взяли две чистые карточки.

В кухню потянуло воздухом из коридора. Оставленная на краю стола карточка поднялась, скользнула над раскрытым журналом и прилипла к раме приоткрытого окна. Лиза поймала её за угол. На картоне проступил белый изгиб, похожий на начало стрелки. Она повернула лист чистой стороной к себе и закрыла окно.

Виктор подошёл к столу. Лиза показала ему изгиб, не касаясь его пальцем.

— Видишь?

— Вижу. Не дописывай.

Она вложила карточку между двумя чистыми листами. До безопасного способа связи им было далеко; даже бумага требовала смотреть, что на ней появилось после записи.

В серверной на большом экране обновилась карта города. Виктор оставил её на отдельном компьютере без сетевого соединения для сравнения со свежими сведениями.

Лиза вернулась к столу. Зелёная аварийная стрелка возле больницы поворачивалась к реке. Она ещё двигалась, когда такая же стрелка у вокзала изменила направление. Лиза дотронулась до разъёма на задней стенке компьютера. Гнездо было пустым.

— Здесь сети нет, — сказал Виктор.

— А карта меняется.

Она подняла бумажный план. На нём карандашный вопрос у воды оставался на месте. На экране все аварийные стрелки теперь смотрели к Амуру. Каждая предлагала путь, который мог показаться человеку проверенным.

Лиза шагнула к выключателю, но остановилась. Городской канал продолжал отмечать сообщения Дома полученными. Пока они проверяли карту, система могла записать согласие за вернувшихся зрителей.

— Отключаем внешний канал, — сказала она.

Виктор открыл шкаф у стены.

— Потеряем сведения от больниц и данные о транспорте.

— Они уже не дают нам проверяемого ответа.

— И нас отметят как неотвечающий объект.

Мать могла пытаться связаться с ней тем же способом. Лиза посмотрела на телефон: оставлять канал ради ожидания следующего пустого сообщения было бессмысленно.

— Отметят, — сказала она. — Сейчас важнее перестать отвечать за людей.

Она отключила внешний канал через панель связи. Последнее уведомление успело показать новое состояние Дома: «Дом зрителей: объект не отвечает». Виктор вынул кабель и передал его ей. Лиза положила свободный конец на стол, подальше от гнезда.

На терминале внешней связи карта городской помощи перестала обновляться. Время последнего обращения осталось прежним, а строка доступных больничных мест исчезла. Лиза заклеила экран листом бумаги. Телефон выключать не стала: неотправленный текст ещё можно было показать человеку рядом.

Виктор вернулся к кухонной двери и проверил картонную метку. Лиза раскрыла журнал на столе, записала время отключения и свою фамилию. Виктор подтвердил только то, что вынул кабель при ней. Через окно было видно, как двое зрителей уходят по выбранному ими пути; получить от них весть теперь можно было лишь после возвращения.

Лиза подняла голову, заметив движение на плане Дома. Стрелка медленно прошла мимо отметки кухни и остановилась напротив двери архива. Виктор стоял рядом с ней, а вынутый сетевой кабель лежал у её руки.

Глава 4. Стрелка для детей

Марина приложила ладонь к школьной двери и почувствовала толчки с другой стороны. Через стекло было видно, как мальчик налегает плечом на створку, а за ним переминаются дети. Она нажала ручку, потянула дверь на себя и освободила проход. Мальчик шагнул наружу, но сразу повернулся обратно, глядя на зелёную стрелку над коридором.

Учительница взяла его за руку и отвела к стене. В другой руке она сжимала сложенную записку. Такую же школьный сторож недавно принёс Марине на набережную: два класса не могли выйти из корпуса. На этой карандаш прорвал бумагу возле слова «лестница».

Максим поставил футляр у стены. На штанине засохла кровь; руку он перевязал, пока ждали скорую у мальчика. Марина надела куртку обратно, но ушибленное плечо не давало поднять локоть.

— Где второй класс? — спросила она.

Учительница показала вверх. Её ответ Марина услышала не сразу: из глубины коридора звук не доходил. Женщина заметила это, шагнула ближе к двери и повторила:

— Половина наверху. Остальные здесь. Мы начали выводить, а выход перестал открываться.

— По этой лестнице?

— По другой. Запасной. На плане она свободна.

Дети остались у входа с молодой женщиной, проверявшей их по классному журналу. Учительница провела Марину и Максима до поворота.

Белая стрелка на щите эвакуации вела к запасному выходу. Марина остановилась: утром у воды такая линия уже заставила людей перелезть через ограждение.

— Мы проверим сами, — сказала она. — Детей пока сюда не ведите.

Учительница кивнула. Максим посмотрел на конец коридора и раскрыл футляр.

— Скрипку возьмёшь?

— Смычок оставлю.

Марина вынула инструмент левой рукой и пошла к лестнице. Максим двинулся рядом.

От поворота до двери было восемь окон. Марина дошла до четвёртого, посмотрела назад и увидела ещё пять. Дверь не приближалась. Белая стрелка на стене тянулась впереди них; её остриё уже огибало оконный проём, которого Марина не помнила.

Она остановилась и коснулась подоконника. За стеклом виднелся школьный двор, женщина у ворот сняла с плеча сумку. В следующем окне та же женщина снова снимала ту же сумку, повторяя движение. Марина отступила на одну плитку. Между ней и Максимом возникло расстояние, которого секунду назад не было.

Он протянул ладонь, но не потянул её к себе. Марина вложила пальцы в его руку и шагнула назад. Плечо отозвалось болью. Окна сдвинулись, дверь приблизилась, и они снова оказались возле поворота.

Учительница сняла план с креплений и развернула к ним. Пальцем провела по линии маршрута.

— Вот, — сказала она. — Отсюда направо. Мы каждый месяц проходим.

Марина расслышала начало фразы, остальное пришлось угадывать по губам. Учительница поняла, что её не слышат, и подняла ладонь, приглашая детей к повороту.

Первым пошёл мальчик, который открывал дверь. Он задел ногой футляр, споткнулся, но продолжил идти. Девочка за ним упёрлась в его спину. Учительница опустила руку и шагнула навстречу, а дети обтекли её, глядя на белую стрелку. Молодая женщина с журналом ухватила двоих за плечи и прижала к себе.

Марина поставила скрипку на подоконник и перехватила щит. Учительница вцепилась в другой край. Губы у неё двигались быстро; Марина успела разобрать только слово «утверждено».

Она развернула щит к стене. Учительница попыталась повернуть его обратно, но замерла: белая стрелка на стене удлинялась вслед за её пальцами. Остриё прошло вдоль следующего окна.

Максим встал поперёк прохода. Мальчик налетел на него, отступил и устоял на собственных ногах. Дети позади остановились. Марина поставила щит рисунком к штукатурке.

Она достала ручку из кармана. Учительница отдала записку, и Марина написала на обороте: «Вы можете остановить выход. Даже если я продолжаю вести».

Женщина прочитала, посмотрела ей в лицо и снова на детей. Потом забрала ручку и добавила: «Если ребёнок остался один, останавливаю».

Марина кивнула. Хотелось вывести всех сразу, пока путь оставался коротким. Но мальчик тёр голень: он выполнил приглашение, даже споткнувшись о футляр.

Учительница опустила перед ним на корточки. На записке появилось: «С кем хочешь идти?» Мальчик прочитал, оглянулся и протянул руку девочке. Она сначала посмотрела на женщину, потом сама вложила ладонь в его ладонь.

Марина вывела их к ближайшему окну у входа. Здесь ещё был слышен её голос, и дети вздрогнули, когда она заговорила.

— Видите скамью во дворе? Там можно ждать. Или здесь со мной, пока проверим дверь.

Девочка показала на скамью. Мальчик потянулся вслед за её рукой, но она придержала его и спросила, хочет ли он туда. Он кивнул и подтвердил вслух. Марина услышала ответ и открыла дверь. Во дворе женщина со списком уже подошла к скамье; дети сами пошли к ней.

У поворота один ребёнок тянул другого за рукав. Учительница разняла их руки. Второй мальчик выбрал другую пару, и только тогда они двинулись к входу.

Максим коснулся Марины здоровой рукой. Запасная дверь в конце коридора открылась. За ней лежала белая полоса, похожая на освещённую ступень, но край её уходил вверх по косяку. Через проём был виден тот же коридор с другого конца. На подоконнике там стояла Маринына скрипка.

Она забрала инструмент. Отражение осталось на месте ещё на мгновение, затем через него прошла плоская фигура в белой форме. Рука фигуры скользнула вдоль стены и коснулась остриём пальца стрелки. Ещё одна фигура появилась у самой двери.

Максим шагнул к створке кабинета рядом с ними. Попробовал ручку, распахнул дверь наружу и посмотрел на Марину. Она кивнула и отошла к детям, освобождая ему место для движения.

Первый инспектор приблизился к двери. Максим упёрся ногой в стену и повернул полотно ему навстречу. Белая фигура сложилась в локте, потеряла плечо за краем двери, но её ладонь продолжала двигаться по штукатурке. Там, где пальцы касались стены, проступала новая стрелка к запасному выходу.

Марина сжала скрипку за шейку и дёрнула открытую струну. Ноты не было. Корпус дрогнул у неё под ладонью, а остриё стрелки остановилось. Инспектор повернул голову, лицо его оставалось гладким.

Она прижала нижний край скрипки к деревянной дверной коробке и повторила короткий ритм. Вибрация прошла в стену. Белая ладонь съехала с нарисованного острия, линия распалась на два неровных края. Максим прижал фигуру дверью к стене и освободил проход до входа.

Пальцы на струне начали жечь. Ритм мешал линии соединиться, но не закрывал шов. Второй инспектор обходил дверь вдоль окон.

Учительница отвела детей в кабинет напротив. Молодая женщина с журналом осталась в проёме, пересчитывая вошедших. Между Мариной и инспектором оказался мальчик в расстёгнутой жилетке. Он прижался к стене, не решаясь перебежать к остальным.

Марина открыла ему дверь ближайшего кабинета. Он шагнул внутрь, но белая ладонь легла на косяк. Створка пошла обратно, прижимая ребёнка в проходе. Марина подставила своё плечо и оттеснила мальчика внутрь. Боль ударила в шею, скрипка едва не выскользнула из руки.

Максим толкнул первую дверь и отпустил её. Она ударила инспектора краем, и тот отшатнулся. Максим успел дойти до Марины, но на третьем шаге повреждённое колено подогнулось. Он опёрся здоровой рукой о подоконник и встал между нею и белой фигурой.

Марина посмотрела ему в лицо. Он указал глазами на открытую дверь, затем упёрся ладонью в створку. Она поняла, что он собирается делать, и убрала плечо, освобождая ему место. Максим толкнул дверь обеими руками. Повязка сразу потемнела.

Вторая фигура оказалась между створкой и косяком. Марина прижала скрипку к коробке и отбила по струне короткую дробь. Белый палец сорвался с дерева. Дверь закрылась, оставив на краю бесцветный след, а в дальнем проёме обе фигуры снова стали видны целиком.

У них появилось несколько свободных шагов. Учительница выводила детей из кабинета по двое, проверяя, что каждая пара дошла до поворота. Марина встала у входа и открывала дверь, когда дети сами подходили к ней. За спиной немая часть коридора продолжала вытягиваться.

Мальчик в жилетке подошёл последним. Он посмотрел на пустой кабинет, где переждал нападение, затем вернулся к доске, стоявшей у дверей. На полочке лежал кусок мела. Мальчик потёр его ладонью и прижал белую руку к стене возле косяка.

Марина невольно шагнула к нему. Отпечаток остался неровным: один палец почти не проявился, у края ладони осыпалась пыль. Она посмотрела на запасную дверь. Шов не расширился, фигуры не повернулись к следу.

— Зачем? — спросила Марина, когда мальчик вышел к ней на участок, где ещё можно было говорить.

— Мы так место отмечаем. Чтобы потом найти.

— Для кого?

— Для себя. Тут стоял.

Он вытер руку о жилетку и показал учительнице отпечаток. Та заглянула в коридор, затем посмотрела на белую стрелку.

Стрелка продолжала удлиняться. Меловая ладонь оставалась на месте.

Возможно, дело было в самом ребёнке: его знак никто не считал распоряжением. Марина взяла мальчика за руку, дождалась ответного сжатия и проводила к девочке у входа.

Во дворе уже собралась большая часть детей. Учительница вышла на крыльцо и сверила их с молодой женщиной по журналу. Марина закрыла дверь за последней парой и посмотрела на лестницу к верхнему этажу.

За стеклянной перегородкой на площадке стояли дети. Один прижимал к стеклу тетрадный лист. Марина разобрала крупно написанное число: одиннадцать. Потом увидела рядом взрослую руку. Вторая учительница оставалась с ними.

Между площадкой и нижним маршем проходила белая линия. Максим попробовал первую ступень, но лестница отступила от его ноги. На месте пролёта появился участок коридора с закрытой запасной дверью. Он отдёргнул ступню и вернулся к Марине.

Она подняла скрипку, но плечо не выдерживало веса руки. Учительница вошла с крыльца, посмотрела наверх и положила ладонь на футляр.

— Останавливаем, — сказала она. — По этой лестнице детей не выведем.

Марина посмотрела на оставшихся детей и убрала скрипку в футляр. Нужен был другой путь наверх.

Максим показал разошедшийся порез. Марина протянула салфетку. Он прижал её к повязке и достал бумагу: оставшимся наверху детям требовалась помощь с другой стороны.

Марина вернулась к окну возле кабинета. На стене по-прежнему белела меловая ладонь. В стекле вместо растопыренных пальцев проступало широкое лицо с круглыми впадинами глаз. Она повернулась к стене, проверила отпечаток и вновь посмотрела в окно: отражённая личина осталась над плечом мальчика, уже вышедшего к своему спутнику.

Глава 5. Зелёный для всех

Максим выкрутил руль, и аварийный фургон встал поперёк полосы. Легковая машина перед ним ткнулась бампером в боковую подножку. Удар передался в сиденье; Максим упёрся ногой в пол и нажал тормоз. Водитель легковушки смотрел на зелёный сигнал над закрытым проездом и продолжал двигаться вперёд.

Корнёв схватился за ручку над дверью. Из школьного двора они выехали вместе: он приехал по бумажной просьбе сторожа и теперь возвращался к мостовой службе за помощью. Марина осталась возле детей. Максим оставил учительнице запись о том, куда едет, но предупредить Марину о повороте фургона уже не мог. Отправленный ей текст исчез с экрана ещё на подъезде.

— Ручник, — сказал Корнёв.

Максим потянул рычаг. Левая ладонь заболела под повязкой. Он посмотрел на Корнёва: тот шевелил губами, но последние слова уже пропали. В кабине стало тихо, хотя двигатель продолжал работать — его дрожь чувствовалась спиной.

Корнёв показал ключи от технического щита. Максим кивнул и заглушил мотор. За боковым стеклом водитель легковушки откинул голову, затем снова наклонился к рулю. У него дёрнулся рот. Машина упёрлась в фургон, и только тогда он перестал давить на педаль.

Поток собирался перед фургоном. За светофором полосу перекрывал бетонный блок, но зелёный свет направлял машины к нему через разрыв в ограждении.

Он выбрался из кабины и поставил ногу на подножку. Колено, ушибленное у воды, подогнулось; пришлось опереться локтем на дверь. Корнёв вышел с другой стороны, обогнул фургон и развернул переносной фонарь к водителям. Поднял руку, показывая остановку. Вторая машина тронулась, словно его движение означало разрешение ехать.

Максим поймал его за рукав и опустил руку. Корнёв взглянул на светофор. Потом взял из фургона складной щит и поставил его перед первой машиной чистой стороной к водителю. Тот посмотрел на щит и потянул стояночный тормоз.

На стекле легковушки проступило белое плечо. Максим сначала увидел его в отражении, поверх лица водителя. Затем плоская ладонь вышла из стекла и легла на крышу. Фигура подтянулась следом, не качнув автомобиль.

Инспектор прошёл к стойке светофора. Красная секция погасла. Он просунул пальцы под её край и снял круглый кожух вместе с линзой. Внутри осталась белая полость, а зелёный свет стал ярче. Второй инспектор отделился от лобового стекла машины в соседней полосе.

Корнёв показал на ручной щит за ограждением. От шкафа их отделяла полоса, по которой ещё двигались машины. Над ней тянулась сервисная ферма с боковой лестницей.

Максим указал на лестницу. Корнёв посмотрел на его перевязанную руку, затем на ферму и покачал головой. Достал блокнот из дверного кармана фургона: «Пойдём с нижней стороны».

Максим посмотрел туда. Нижний проход упирался в бетонный блок, за ним водитель грузовика пытался повернуть к зелёному. Колёса скользили вдоль бордюра. Если пройти между кабиной и ограждением, грузовик мог прижать их обоих.

Он написал: «Внизу нет места. Проверю верх».

Корнёв взял карандаш: «За лестницей решётка. Отдам ключ. Жди у неё».

Максим прочитал и кивнул. Из фургона он взял короткую монтажную стропу. Перед подъёмом зацепил её за основание перил и потянул. Стойка не сдвинулась. Первая ступень тоже выдержала вес, когда он осторожно перенёс на неё ногу.

Только после этого Максим вынул Камень Звезды. Старая трещина проходила через край кристалла. Он повернул камень к ферме: внутри появилась линия, дошла до третьей поперечины и оборвалась. Дальше маршрут не подтверждался.

Он убрал камень в нагрудный карман и проверил опоры ногой. Подошва съезжала с влажного металла. Максим обхватил перила предплечьем, сберегая порезанные пальцы.

На ферме пришлось двигаться боком. Под ногами проходила машина, водитель смотрел прямо перед собой; его лицо исчезло за стойкой и возникло снова в следующем стекле. Максим остановился. Во втором отражении водитель сидел неподвижно, хотя настоящая машина уже ушла вперёд.

От стекла к ферме вытянулась белая полоса. Инспектор поднялся по ней без лестницы и встал между Максимом и решёткой. Максим проверил Камень: линия погасла. Он убрал его обратно в карман. Он не пытался заставить линию продолжиться: ближайшую балку он видел сам, а пройти мимо фигуры на узком настиле не мог.

Он закрепил стропу за стойкой позади себя и взял свободный конец. Инспектор протянул руку к его груди. Максим отступил к поперечине, позволил белым пальцам пройти между ними и захлестнул стропой запястье.

Фигура развернулась ребром. Ремень соскользнул с плоской руки, но задержал её возле стойки. Максим успел опуститься на колено. Белая ладонь прошла над головой и коснулась перил. Металл под ней вытянулся вперёд, а решётка у шкафа отодвинулась на длину ещё одной секции.

Максим перенёс ноги на боковую балку, оставив настил инспектору. Расстояние до решётки перестало расти. Он дотянулся до следующей опоры и прижался к ней грудью.

Инспектор повернулся следом. Максим подтянул стропу, пропустил ремень через прут и натянул поперёк настила. Белая фигура упёрлась в него поясом. Максим рванул свободный конец вниз, и фигура перегнулась через ограждение. Её пальцы отпустили металл. Решётка вернулась к прежнему месту.

Он освободил стропу и не стал смотреть, куда исчез инспектор. До площадки оставалось три шага. Корнёв уже поднимался с другой стороны, неся ключи. Максим увидел, как он проверяет перекладину обеими руками, и дождался, пока тот доберётся до решётки.

Камень у груди нагрелся. Максим вынул его: короткая линия появилась снова и указала на площадку у шкафа. Он сперва опустил туда конец стропы. Ремень лёг на металл и не провалился. Тогда он перенёс ногу, дождался давления опоры на подошву и шагнул за решётку, которую открыл Корнёв.

Под площадкой встал микроавтобус. Водитель открыл дверь и высунулся наружу. Белое отражение осталось в стекле, а пальцы инспектора потянули его обратно к кабине.

На другой стороне ограждения появилась белая тень. Она двигалась между отражениями, не повторяя шагов Максима.

Он поднял свободную руку к микроавтобусу. Тень посмотрела на него и отвернулась. Максим опустил ладонь. Он не знал, что она увидела с другой стороны.

Тень прошла к другому стеклу. Положила руку поверх белого отражения и остановилась. Дверь микроавтобуса перестала тянуть водителя внутрь. Он выдернул плечо, выпрыгнул на бордюр и упёрся обеими ладонями в бетонный блок.

Отражённый проход сжался между ладонью тени и стеклом. На несколько мгновений Максим увидел в нём пустую дорогу, ведущую прямо к воде. Затем дорога исчезла, оставив обычный салон с качающимся ремнём безопасности.

Тень убрала руку и стала хуже различима. Максим хотел позвать её ближе, но она уже шла за стоящий грузовик. Он не стал манить её к себе.

Корнёв коснулся его локтя. Шкаф был открыт. Внутри горел небольшой экран; зелёная отметка показывала, что режим продолжает работать. В нижней строке Максим прочитал `emergency_admin`.

Корнёв пригнулся, осмотрел крепление блока и показал ему бумажную пломбу. Та шла поперёк разъёма и закрывала старую заводскую наклейку. На бумаге стоял штамп городского штаба, под ним — подпись. Максим узнал название роли, но подпись разобрать не смог.

Власов уже позволил системе назначать ответственность за людей. Здесь старый модуль продолжал движение через закрытую полосу. Это не показывало, чья рука включила его сегодня.

Максим потянулся за телефоном. Корнёв перехватил его запястье и дал блокнот. Максим записал название роли без исправлений, затем время. Корнёв срисовал расположение пломбы и вписал то, что смог прочитать на штампе. Бумагу они не отрывали.

На краю площадки лежала снятая красная линза. Корнёв приподнял её, осмотрел пустое крепление светофора и положил обратно. Достал из шкафа ручку аварийного отключения и остановился, глядя на Максима.

Тот проследил кабель от шкафа до стойки. На зелёной секции стоял инспектор. Его ладонь касалась линзы, а другая рука лежала на корпусе, соединяя их белой линией. Корнёв показал на ручку, затем на эту ладонь. Отключать пришлось бы одновременно с разрывом контакта.

Максим достал стропу. Инспектор повернул голову, и край площадки ушёл из-под правой ноги. Максим успел схватиться за дверцу шкафа. Она ударила по кисти и захлопнулась, прижав руку к раме.

Корнёв открыл дверцу обратно. Максим отдернул пальцы. Большой палец не слушался, боль прошла до локтя. Камень в нагрудном кармане нагрелся сильнее, и внутри него появилась белая черта вдоль старой трещины.

Инспектор двигался по стойке к площадке. Максим взял стропу левой рукой поверх повязки. Корнёв показал на нижний край шкафа, где металл ещё оставался на месте. Максим опустился туда на колено и перестал наступать на исчезающий участок.

Из этого положения он мог дотянуться до стойки. Прodel стропу вокруг неё, подтянул петлю к белой ладони и прижал ремень локтем. Инспектор повернулся ребром, но стойка не давала ему соскользнуть. Максим перенёс вес тела на ремень. Ладонь отделилась от зелёной линзы.

Корнёв повернул ручку. Экран в шкафу погас, на дороге исчез зелёный свет. Белая линия на корпусе светофора оборвалась. Инспектор опустил руку и сложился вдоль стойки; на месте его головы осталось отражение в стекле стоящей машины.

Корнёв снял стропу с его руки и помог подняться. Площадка вернулась на место, но опираться на правую кисть Максим уже не мог. Он достал Камень Звезды двумя пальцами левой руки. Старая трещина раскрылась шире; линия маршрута в глубине не появилась.

Внизу водитель первой легковушки повернулся к фургону, выбрался из машины и осмотрел помятый бампер. Его спутница вышла с другой стороны. Они начали разговаривать, но Максим по-прежнему не слышал слов. Водитель микроавтобуса стоял у бетонного блока, не пытаясь вернуться на закрытую полосу.

Корнёв показал блокнот: «Секция отключена до проверки. Потребуется ручное регулирование».

Движение придётся остановить на несколько часов. Фургон пока нельзя было убрать: он закрывал доступ к опасной полосе. Максим кивнул и сел на нижнюю перекладину, давая колену отдохнуть.

Корнёв помог ему спуститься на нижнюю площадку за ограждением, затем принёс бинт из фургона. Здесь Максим услышал его голос.

— Пальцами двигаешь?

— Двумя. Остальными пока нет.

— Сиди здесь. На ферму больше не лезь.

— Пломбу оставь. Запись передадим в Дом.

Корнёв начал перевязывать кисть.

— Власову?

— В Дом. Кто включил, ещё не знаем.

Максим дописал для Марины, где они отключили секцию. Указал, что правую кисть прижало дверцей, а Камень больше не показывает маршрут. Про тень написал отдельно: она закрыла отражённый проход у микроавтобуса и ушла сама. Лист сложил так, чтобы запись о травме была сверху, и отдал Корнёву для передачи с человеком.

Корнёв вернулся к стойке. После отключения он снял зелёную линзу, проверил пустой корпус и принёс её на площадку. Максим взял круглый пластик за край двумя пальцами левой руки. На внутренней поверхности проступал знак Дома зрителей. Он повернул линзу к свету, а Корнёв положил рядом свою запись о проверке: когда линзу устанавливали, знака Дома на ней не было.

Глава 6. Палата без вызова

Марина остановила детей перед стеклянной дверью приёмного отделения. За ней двигалась больничная каталка, и зелёная полоса на полу шла от каталки к школьникам. Учительница прижала журнал к груди и пересчитала одиннадцать человек. Девочка в конце цепочки держалась за подол её жакета.

От школы до больничного двора они добирались почти час. На верхний этаж удалось пройти через галерею спортзала: там не было указателей, а дверь открыли изнутри после стука по раме. Второй выход вёл на служебную дорожку вдоль склона. Теперь оставалось пересечь больничный двор и выйти к улице, где детей ждали взрослые из первой группы.

Марина поставила футляр на скамью. Плечо болело, пальцы правой руки саднило после игры без смычка. Максим оставался у моста. Его записку о прижатой кисти принесли перед выходом из школы.

Виктория пришла из Дома, получив адрес от вернувшихся зрителей. Помогла провести детей от калитки, но возле двери остановилась, глядя на зелёную полосу.

Марина развела ладони, показывая два пути. Каталка за стеклом повернула к школьникам. Учительница подняла руку, собираясь отвести детей в сторону, и зелёная линия сразу удлинилась до её ноги.

Виктория поймала Марину за запястье. Развернула её ладонь вниз и отдала учительнице лист из своего блокнота: «Останьтесь с детьми здесь. Дверь проверяем отдельно».

Женщина прочитала, оглянулась на группу и сама выбрала место у скамьи. Дети отошли вслед за ней. Виктория передвинула соседнюю пустую скамью поперёк дорожки, отделяя их от больничного выхода. Зелёная полоса упёрлась в ножку и перестала тянуться.

Виктория написала на следующем листе: «Ты показала всем сразу. Я тоже решила, что надо двигаться».

Марина ответила: «Буду обращаться к одному». Виктория прочитала, но не убрала блокнот. Одной этой записи для неё было мало.

Из отделения вышла медсестра. Маска съехала ей под подбородок, на ладони был написан номер палаты. Она попыталась заговорить и указала на переносной баллон, закреплённый на тележке. На ярлыке стояла фамилия пациента.

Медсестра потянула тележку к двери. Ярлык побелел под её пальцами. Фамилия исчезла, а вместо неё проступило другое имя. Колёса развернулись к противоположному коридору, хотя женщина тянула ручку на себя.

Марина взялась за раму. Медсестра отпустила ручку и попыталась восстановить надпись на ярлыке. Чернила не ложились. За дверью мужчина на каталке приподнялся, упёрся ладонью в край матраса и тяжело опустил обратно.

Врач подошёл к нему и проверил маску на лице. Затем положил руку на плечо медсестры, показал ей номер палаты на своей бумаге. Она сравнила его с надписью на ладони и снова потянулась к тележке.

Марина подняла руку, приглашая обоих пройти к баллону. Врач шагнул вперёд, а мужчина на каталке вытянул левую руку. Белый браслет на его запястье начал затягиваться. На пластике появился тот же номер, который врач только что показал медсестре.

Виктория ударила ладонью по Марининой руке, сбивая жест. Встала между ней и каталкой. Врач остановился, увидел браслет и немедленно разомкнул застёжку. Мужчина прижал освобождённую руку к животу.

На странице Виктории появились слова: «Что ты предложила ему?»

Марина ответила: «Помочь перенести кислород».

Виктория повернула лист к мужчине. Тот прочитал и покачал головой. Взял ручку у врача, написал крупно: «Я остаюсь здесь».

Марина посмотрела на колёса каталки. Они уже повернулись к коридору, куда тянуло тележку с баллоном. Мужчина не собирался ни переносить его, ни ехать туда сам. Врач расправил край простыни и встал возле каталки, закрывая её от проходящих людей.

Виктория показала Марине его ответ. Марина опустила руку и дождалась, пока врач закончит осмотр.

Он сам взял блокнот: «Кислород нужен этому пациенту. Доставляем сюда. Дальше решаю я».

Марина прочитала и вернула ему лист. Врач показал его медсестре. Та посмотрела на мужчину, сравнила фамилию в бумаге с его больничной картой и только тогда взялась за ручку тележки.

Марина помогла удержать раму, пока санитар подставлял ногу под колесо. Вместе они развернули тележку вручную. Ярлык продолжал тянуться краем к другой палате, но колесо упёрлось в подошву санитаря. Он переставил ногу и довёл тележку до каталки.

Врач занялся оборудованием. Марина отошла, освобождая ему место, и посмотрела на медсестру. Та пыталась сказать что-то Виктории. Звук здесь пропадал у всех, но на бейдже женщины теперь исчезла часть имени. Она прикрыла его ладонью, потом убрала руку и посмотрела снова.

Виктория попросила медсестру письменно назвать получателя баллона. Рядом положила испорченный ярлык. Женщина указала на пациента, но Виктория подвинула бумагу ближе и дождалась записи.

Марина видела, что Виктория сопоставляет две записи, но вернуться к ним не успела. Стекло двери отделения дрогнуло. Зелёная пиктограмма на ней развернулась к школьной группе, и санитар, только что помогавший с тележкой, пошёл к выходу.

За его отражением выросла белая фигура. Она прижала плоскую ладонь к стеклу и просунула пальцы сквозь линию дверной рамы. Дверь открылась, хотя санитар ещё не дошёл до неё.

Марина подхватила пустую тележку для белья и толкнула поперёк проёма левой рукой. Стекло упёрлось в раму тележки. Инспектор остался между створками, но его рука вытянулась к санитару через зелёную пиктограмму.

На браслете мужчины у стены проступила белая полоса. Он встал с кресла и двинулся навстречу фигуре. Медсестра перехватила его под локоть, а врач поднял обе ладони, предлагая ему остановиться. Полоса на браслете раздвоилась, и мужчина сделал ещё шаг.

Виктория подала врачу бумагу. Он опустил руки, подошёл к пациенту и показал ему кресло. Дождался, пока тот посмотрит, затем написал: «Можете сесть. Я подойду к вам».

Пациент прочитал, повернулся к креслу, но остановился. На браслете светилось острие стрелки. Медсестра сняла браслет, положила на стойку и сверила имя мужчины с картой. Он сел только после того, как сам взялся за подлокотник.

Марина упёрлась бедром в тележку для белья. Стекло двери продолжала давить. У верхнего края проёма появился второй инспектор; плоское лицо скользнуло по стеклу, остановилось напротив настенной панели и отделилось от отражения.

На панели стоял номер свободной палаты. Он сменился номером, который медсестра написала на ладони. Тележка с баллоном дёрнулась от каталки. Санитар прижал её к стене и посмотрел на врача, ожидая решения.

Белая линия шла от панели к ярлыку. Прибор у пациента работал рядом. Марина развернула тележку так, чтобы её рама упёрлась в косяк, вынула металлический поддон и подошла к настенному экрану.

Левой рукой ударила по экрану. Панель треснула, но цифры ещё горели. Второй удар расколол её у нижнего края. Остриё белой линии исчезло. Колёса тележки остановились, а инспектор у стены потерял руку до локтя.

Врач посмотрел на разбитую панель, затем на прибор возле каталки. Он проверил оборудование у пациента и продолжил работу. Медсестра сгребла осколки подальше от колёс.

Белая фигура возле двери попыталась пройти через её браслет. Медсестра сняла пластик сама и положила его рядом с первым. Виктория взяла оба браслета бумажным листом, закрыв светящиеся метки. Инспектор снова оказался в стекле; дверь перестала налегать на тележку.

В глубине коридора горели ещё две панели. Марина подошла к одной, но врач взял её за край куртки и не пустил дальше. Открыл небольшую дверцу в стене, показал выключатель и написал: «Общая навигация. Только она».

Марина посмотрела на подписи под выключателем. Потом на врача. Он подтвердил выбор отдельной записью, и она опустила клавишу левой рукой. Панели погасли, указатели на дверях потеряли зелёные края. Прибор у каталки продолжал работать.

Инспектор в стекле расплылся по створке. Пиктограмма осталась обычным рисунком, но свободные места отделения исчезли с центрального табло. Медсестра подошла к стойке и попыталась открыть список поступающих. Экран выдал пустое поле.

Врач отдал ей бумажный журнал. Она начала записывать занятые места вручную. Другой сотрудник пошёл к палатам, проверяя каждую дверь лично. Марина убрала поддон и отодвинула тележку: дверь больше не открывалась сама.

У хозяйственного коридора стоял санитар с ещё одним переносным баллоном. Он посмотрел на медсестру, подал тележку к ней, но остановился, не найдя привычной отметки назначения. Женщина написала на бумаге фамилию пациента и номер палаты. Санитар сверил запись с картой, оставленной врачом, и передал ручку тележки ей.

Медсестра взялась за ручку, и санитар отпустил тележку. В конце коридора другой сотрудник подошёл к ней, прочитал бумагу и сам проверил дверь. Он взял тележку за раму. Женщина дождалась, пока он поставит ноги устойчиво, и убрала руки.

Для следующего баллона собрали такую же цепочку. У каждого поворота останавливались. Марина переставила пустую стойку, освобождая место сотрудникам.

Виктория вышла к детям. Учительница показала ей журнал с одиннадцатью отметками. Девочка у скамьи попросилась к матери, но пошла лишь после того, как учительница сама проверила калитку и увидела за ней знакомую женщину.

Марина проводила последнюю пару к выходу во двор. Здесь снова были слышны шаги. Один мальчик спросил, почему в больнице все говорили ртом, а голоса не было. Учительница ответила, что пока не знает. Марина не стала дополнять её ответ.

Медсестра вышла вслед за ними. Она увидела коллегу у ворот и попыталась окликнуть. Губы двигались, грудь поднялась на вдохе, но Марина ничего не слышала. Женщина подошла ближе и повторила; школьник рядом продолжал задавать вопросы обычным голосом.

Через минуту из дверей появился санитар. Он постучал по перилам и прикоснулся к собственному горлу. На бумаге, которую он протянул Виктории, было написано: «Здесь тоже не могу говорить».

Виктория показала Марине обе записи о баллоне. Медсестра хотела передать его одному человеку, а ярлык назначил другого. Теперь женщина осталась без голоса даже там, где звук вернулся. Санитар смотрел на её лицо и пытался задать вопрос губами.

Марина взяла бумагу и записала, что увидела сама. Виктория дополнила время и попросила медсестру оставить своё свидетельство. Та написала фамилию полностью, хотя на бейдже всё ещё не хватало букв.

Врач передал список пациентов, остававшихся под его наблюдением. О свободных местах теперь нужно было сообщать с человеком: табло больше не давало проверенных сведений.

Марина забрала футляр. Ей хотелось вернуться в Дом, увидеть Лизу и перестать проверять пустые сообщения. Но Виктория уже держала лист для следующей передачи, и Марина осталась, чтобы подписать только собственную запись.

Она прислонила бумагу к чистой стене возле двери. Ручка была у Виктории, Марина ещё не успела её взять. Под ладонью проступили знакомые петли букв. Она отняла руку: на стене её почерком стояло слово «согласна». Виктория перевернула лист, проверила обе стороны и подала его Марине — бумага оставалась чистой.

Глава 7. Вокзал выбирает пассажира

На пешеходном мосту Алина остановилась у сетчатого ограждения. Внизу, возле второго пути, стоял пассажирский состав, но люди спускались к нему с обеих сторон, оставляя свои платформы. Женщина волокла чемодан по ступеням, не поднимая его за ручку. За ней мальчик держался за поручень обеими руками и всё равно переставлял ноги, хотя отклонялся назад.

Над лестницей висело пустое табло. На чёрном поле не было даже времени, но женщина поглядывала на него перед каждым следующим шагом. На соседнем спуске мужчина пытался повернуть обратно. Его ботинок уже стоял выше, когда тело развернулось к поезду, и он схватился за сетку.

В телефоне сохранился черновик: «Вокзал. Людей переводят со своих путей». Отправлять его было бесполезно: слова исчезли бы, как утром. Алина убрала телефон и пошла вниз.

После подземного перехода Алина вернулась в Дом, где дежурный принёс записку с вокзала. Виктория перед уходом в больницу прочитала её согласие на один контакт со скобой Колокола. Алина указала предел: прекратить действие, если перестанет различать положение предметов. Виктория подписала: «Прочитала при ней». Лист лежал в боковом кармане сумки.

У лестницы дежурная в красном жилете загородила Алине проход. Её губы двигались быстро; разобрать обращение Алина не смогла. Она показала на своё ухо и раскрыла блокнот. Дежурная схватила ручку, но сперва оглянулась на табло.

«Посадка на второй. Проходите».

Алина написала ниже: «У меня нет билета. Людей тянет к составу. Они не могут вернуться».

Дежурная нахмурилась и потянулась к рации. Пока она говорила в неё, мужчина у сетки поставил ногу поперёк ступени, но теперь с усилием разжимал собственные пальцы.

Дежурная убрала рацию и написала: «Объявление дали. Отправление по графику. Нужен сигнал, понятный всем».

Она вынула небольшой фонарь, подняла его над головой, и на пустом табло появилась единица. Мужчина на лестнице отпустил сетку. Вместо второго пути он повернулся к боковому проходу, который вёл к первому, и едва не сбил женщину.

Алина коснулась запястья дежурной и опустила её руку. Единица исчезла, но мужчина продолжил идти. Дежурная снова поднесла рацию ко рту; в этот раз её губы сложились для первого слова и остались разомкнутыми. Она нажала пальцами на горло.

Дежурная протянула фонарь Алине. Та положила его на скамью и написала: «Табло назначает путь по вашему движению». Проводник у открытой двери вагона смотрел на них, придерживая дверь ногой.

Проводник заметил в блокноте запись о слухе и взял ручку. Он придерживал блокнот ладонью.

«Если опасно, покажите остановку. Машинист видит сигналы с платформы».

Дежурная подняла рацию, и на табло появилась двойка. Женщина у лестницы повернула к вагону, потащив чемодан за собой. Проводник опустил руку дежурной и прочитал запись Алины.

Алина присела у края платформы, в стороне от двери. Здесь была служебная выемка со ступенью, и проводник придерживал её за локоть, прежде чем она наклонилась к рельсу. Колёса ближайшего вагона оставались в нескольких метрах. Она коснулась боковой поверхности стали и сразу отняла руку.

Дрожь нарастала. Алина не могла определить по ней команду машиниста, но увидела, как натянулось сцепление между вагонами. Проводник тоже посмотрел туда и переставил ногу

с нижней ступеньки на платформу. Обод колеса сдвинулся относительно пятна на рельсе и снова замер.

Он написал крупнее: «Уже трогается. Отойдите».

Алина поднялась. Пассажиры продолжали приближаться к открытой двери, а женщина с чемоданом пыталась втиснуться между ними. Проводник вытолкнул её багаж из прохода и встал на нижней ступеньке, закрыв вход плечами. Поезд продвигался короткими рывками, не набирая хода.

Дежурная протянула Алине фонарь со скамьи. Та покачала головой и положила его на плитку. Рядом раскрыла блокнот на чистой странице, затем сняла с сумки запасной ремень и свернула так, чтобы он не вытянулся в линию. Предметы лежали перед проводником, ни один не был обращён к пути.

На странице Алина написала: «Я не знаю ваших тормозов. Выберите, как остановить. Я попробую задержать людей».

Проводник прочитал и присел к блокноту, не выпуская дверную ручку. Он не взял фонарь. Подвинул к себе ручку и быстро ответил: «Стоп-кран в тамбуре. Дверь держу, иначе полезут. Поможете снаружи?»

Алина дописала: «Если потеряю равновесие, помогите сесть». Проводник показал участок у стены вокзального павильона, подальше от края. Она кивнула и придвинула к нему блокнот.

С табло сползла белая полоса. Она прошла по стойке и легла на платформу, заострившись у самого края. Женщина с чемоданом повернулась от дверного проёма к свету. Чемодан опрокинулся, но она отпустила ручку и шагнула дальше.

Алина перехватила её за локоть. Женщина упиралась обеими пятками, стараясь остановиться, однако тянула Алину за собой. Рядом мальчик опустил на колени и прижал ладони к плитке. Его обувь скользила к белому острию.

Дежурная прижала мальчика к себе со спины. Алина упёрлась плечом в стенку вагона, удерживая женщину, и почувствовала, как металл уходит вдоль спины. Остаться здесь было нельзя. Она подвела женщину к скамье, зацепила её руку за спинку и дождалась, пока та сама сожмёт пальцы.

Мужчина с расстёгнутой курткой смотрел на мальчика, но его ноги несли к тому же краю. Алина держала руки низко, боясь назначить ему путь своим жестом.

Проводник протянул ладонь к женщине у скамьи. Она посмотрела на него и покачала головой, не отпуская спинку. Он убрал руку, перевёл взгляд на Алину и прикоснулся к ремню на полу. Алина подняла ремень за оба конца, прижав к поясу, и подошла к дверному проёму.

Проводник закрепил ремень на дверных ручках и встал за ним поперёк проёма. Алина убедилась, что он удержится без её помощи, и отступила к стене вокзального павильона, подальше от движущегося вагона.

Алина достала согласие из бокового кармана сумки и прочитала собственную последнюю строку. Принятое в Доме решение не обязывало её продолжать, но мальчик уже отрывал от плитки одну ладонь за другой. Дежурная не могла удержать его одна.

Она раскрыла футляр. Половины Колокола Двух Берегов лежали в отдельных углублениях, на разомкнутой скобе. Алина подложила ткань под металл, сохранив промежуток, и поставила футляр у стены.

Проводник смотрел прямо на неё. Алина указала на себя, положила раскрытый лист рядом с футляром и прижала пальцы к скобе. Ей нужно было оставить промежуток открытым, не дать следующему движению завершить то, что уже назначила стрелка.

Низкая вибрация прошла от пальцев к запястью. Алина знала её по прежней работе с Колоколом, но сейчас дрожь пришла с двух сторон и встретилась в локте. Она удержала руку. Половины оставались разомкнутыми; в промежутке виднелся край ткани.

Женщина у скамьи перестала тянуться к свету. Она всё ещё стояла лицом к рельсам, зато смогла повернуть голову к мальчику. Дежурная разжала объятие, и он отступил к ней сам. Белая стрелка продолжала лежать на плитке; поезд тоже двигался.

Проводник отступил в тамбур, оставив ремень поперёк входа, и рванул рукоять стоп-крана. Женщина с чемоданом в этот момент отпустила скамью и шагнула от края.

Толчок от торможения дошёл до Алины через пол. Она приняла его за окончание паузы и едва не сняла руку раньше времени. Проводник удержался за косяк. Перед дверью мужчина с расстёгнутой курткой переступил через свой свёрток и замер, всё ещё глядя на свет.

Женщина дотронулась до его плеча. Мужчина повернулся к ней, наклонился за свёртком и отнёс его к скамье. Только тогда Алина убрала пальцы со скобы. Вагон остановился, а стрелка осталась на платформе. Мальчик сел спиной к стене и обеими руками прижал колени к груди.

Алина потянулась к крышке футляра, но пальцы ударились о плитку. Перед глазами наклонилась стена, хотя шов между камнями не двигался. Через руку проходили толчки, от которых сводило мышцы живота. Она опустила на бок и попробовала найти промежуток, но дрожь только усилилась.

Проводник присел перед ней и заговорил, но она видела только движение рта. Алина искала блокнот и не могла определить, где оставила его. Он коснулся её плеча и поднёс страницу к глазам.

«Куда вас перенести?»

Алина взяла ручку двумя пальцами. Первое слово пересекло край страницы; она начала снова, медленнее.

«Не переносить пока. Помогите сесть у стены. Колокол не закрывать».

Проводник подставил локоть. Она сама ухватила за рукав, и он помог ей сесть. Дежурная присела рядом с футляром, заглянула внутрь и оставила крышку открытой. Мальчик протянул Алине бутылку воды, но проводник придержал его руку, дождался её кивка и только после этого отвинтил крышку.

Платформа постепенно перестала качаться. Алина различала швы на плитке, однако паузы больше не совпадали с движениями людей. Проводник поднялся, а ей показалось, что он всё ещё сидит. Она смотрела на его ботинки, пока не убедилась, где он стоит.

Он вернулся с новой записью: «Машинист подтвердил остановку. До проверки никто не отправляется. Что показывать другим?»

Алина написала: «Ничего от моего имени. У каждого спросите отдельно. Стрелка осталась».

Проводник прочитал дважды. Потом повернул блокнот к женщине с чемоданом и предложил ей ручку. Та написала, что ей нужно вернуться в другой поезд, где осталась её сумка. Проводник сравнил номер в билете с бумажным расписанием из своего кармана и позвал дежурную.

Алина не могла проверить путь вместе с ними. Дежурная придержала женщину за локоть, остановилась у лестницы и дождалась, пока та выберет ступень сама. У белой полосы они задержались, а потом обошли её, оставляя свет сбоку. За ними мальчик поднял чемодан за нижнюю ручку.

Проводник записал время остановки и подписался. Алина добавила: «Видела, как люди смогли отойти. После скобы не различаю паузы». Последние буквы пришлось дописать под строкой: рука дрожала.

Пустое табло над лестницей погасло. Через несколько секунд на нём появились строки, и проводник торопливо вернулся к двери, чтобы прочесть их с платформы. Алина подняла голову с задержкой. Ей мешала тошнота, но крупные буквы различались отчётливо: «Добровольный отказ от поездки зарегистрирован».

Ниже шёл список. Женщина с чемоданом ещё стояла на лестнице, когда её фамилия появилась в первой строке. Она повернула билет к табло, затем к дежурной и стала спускаться обратно. Проводник встретил её у скамьи.

Алина попросила показать билет. Поезд в нём был другой, и до отправления оставалось время. Под фамилией на табло уже стояло «Отказ подтверждён пассажиром». Женщина нацарапала в блокноте: «Я не отказывалась. Мне надо домой».

Проводник провёл её билет перед переносным считывателем. На небольшом экране повторилась отметка об отказе. Он убрал прибор, достал служебный бланк и записал её слова от руки. Женщина придерживала бумагу, пока он подписывался. Вернуть билет к прежнему состоянию это не помогло.

Список продолжал расти. Проводник переписывал фамилии, чтобы осталось свидетельство помимо табло. В середине страницы он задержал ручку и обернулся к Алине. Она разглядела имя ещё до того, как он поднёс блокнот: «Ли Чжун».

В строке напротив стояло: «Присутствует на платформе. От поездки отказался добровольно». Хранитель оставался у устья Амура, живым замком Печати. На вокзале он быть не мог. Алина попросила проводника дописать время и проверила каждую букву имени, удерживая страницу обеими руками.

Глава 8. Шесть простых знаков

Марина придержала больничный лист кружкой. Из открытого окна дуло на стол. Лиза прикрепляла к плану города записку с вокзала, а Максим снимал чужую куртку: рукав застрял на повязке, фиксировавшей правую кисть.

Марина расстегнула манжету и помогла ему освободить руку. На левой ладони через бинт проступило пятно.

— Врач велел не нагружать, — сказал Максим. — Давай сначала про тех, кто ещё на улице.

Она подвинула ему стул и вернулась к столу. Футляр оставила у стены: после больницы плечо болело даже от веса ремня.

На листе медсестры стояла её полная фамилия. Рядом Виктория отметила, что за пределами немой зоны голос у женщины не вернулся. Марина дописала про слово на больничной стене. Своей рукой она его не выводила, хотя буквы повторяли её почерк.

Корнёв положил рядом распечатку с моста. В шкафу управления сохранилось обозначение аварийной роли, через которую светофор принимал распоряжения. Виктор подвинул к себе лист.

— Питание сняли, — сказал Корнёв. — Машины пока ведут люди. Закрытую полосу открывать не стали.

Виктория показала вокзальный лист. Табло назначило пассажирам отказ от поездки; среди них оказалось имя Ли Чжуна. Марина перечитала его, когда дежурный помог Алине войти.

Лиза поставила для Алины стул у стены. Дежурный принёс футляр с Колоколом, а Алина передала Виктории блокнот.

«Голову поворачиваю — теряю место. Паузам пока не доверяю».

Марина показала ей фамилию Хранителя. Алина дописала: «Видела на табло. Это не свидетельство его присутствия». Марина кивнула и повторила ответ на бумаге: «Он остаётся у устья».

Марина вернулась к школьным записям. Учительница указала число детей, выведенных через галерею. Мальчик нарисовал ладонь, которую оставил на стене для себя.

— От неё проход не изменился, — сказала Марина. — А мой указатель повёл детей дальше, чем я собиралась.

— В больнице сработало так же? — спросила Лиза.

— Я хотела предложить помощь. Мужчина начал двигаться вместе с каталкой, хотя хотел остаться.

— И на вокзале поднятый фонарь стал номером пути, — добавил Виктор. — Если составить из этого общий язык, его тоже могут прочесть за нас.

С Власовым пришла женщина из городского штаба. На папке стояло время: двенадцать часов. Она сверилась с часами над дверью и положила перед Мариной лист.

— Нам нужны обозначения для экранов. Сейчас. У пожарных на выезде люди показывают огонь, а дежурный принимает это за направление движения. Одну машину отправили к соседнему дому. На верхнем этаже двое, лестницу уже подают. Но следующая бригада опять спросит, что означает поднятая рука.

Марина перенесла больничный лист подальше от кружки. Бумага у края уже намокла.

— По нашим знакам люди тоже шли туда, куда не хотели.

— Я прочитал, — сказал Власов. — Поэтому пришёл к вам, а не взял готовые пиктограммы. Нам нужен ваш опыт, в том числе ошибки.

Корнёв подтолкнул к нему распечатку с моста. Власов задержался на обозначении роли и не отвёл взгляда.

— Этот доступ оставлять нельзя, — сказал он. — Но пока разбираемся с ним, на улице всё равно надо остановить машину. Если каждый пост сочинит своё обозначение, водитель узнает о разнице уже после поворота.

— Одинаковый знак может одинаково ошибаться везде, — ответил Виктор.

— Может. А без него ошибка сейчас происходит на каждом перекрёстке отдельно. Нам нужен хотя бы временный способ спросить и получить ответ.

Лиза положила две карточки. Первый смотритель считал проход свободным, второй заметил у лестницы белую полосу. Решение идти они приняли после разговора.

— Вот как мы работаем с утра, — сказала она. — Один человек показывает, второй объясняет, что понял. Потом меняются. При расхождении карточка ничего не разрешает.

— Сколько времени понадобилось этой паре? — Власов прочитал обе карточки.

— Несколько минут.

— Они знакомы?

— Да.

— А у автобусной двери стоят сорок незнакомых. Водитель не слышит половину из них. Кто проведёт эту проверку?

Лиза открыла папку. На верхней карточке стояло «Покажи, что понял». Она прижала её пальцем, но не вынула.

— Два человека на месте, — сказала Лиза. — Обученные.

— На некоторые остановки мы не можем отправить даже одного, — женщина из штаба покачала головой. — Сообщения приходят пустыми.

— Передавайте назначения с людьми, — сказал Виктор.

— Передаём. Сейчас человек несёт ответ туда, где уже нужна следующая машина. Мы теряем время на каждом круге.

В школе Марине помогла учительница, а в больнице врач знал своего пациента. Найти такого человека для каждого жителя до следующей беды она не могла. На разговор уже ушла четверть часа.

— Сколько обозначений вы хотите? — спросила она.

Власов раскрыл принесённый лист. На нём были мелкие картинки, под каждой оставили место для пояснения. Марина увидела стрелки и закрыла рукой нижнюю половину.

— Человек будет искать нужную строку, пока его ведёт чужой указатель. Сократим.

Она взяла чистый лист. Первую карточку сделала для воды, но Виктория остановила её ещё до рисунка.

— Вода нужна для питья или вода идёт в подвал?

Марина отложила ручку. В больнице одного неясного движения хватило, чтобы мужчина начал покидать своё место.

— Опасность, связанная с водой. Назовём прямо под рисунком. Рядом должен быть тот, кто объяснит.

— Учителя уже показывают детям рисунки, — женщина из штаба взяла школьный лист. — Дайте одинаковую основу, чтобы в другом квартале не начинать заново.

Марина нарисовала волну внутри рамки и передала карточку Лизе. Та дописала пояснение. Работа пошла быстрее, пока на карточке остановки не появилась поднятая ладонь. Марина перечеркнула её: такую утром уже показали перед машиной.

— Лучше остановка действия, а не человек, которого велют остановить, — сказала Лиза. — Напишу это в пояснении.

Для выхода Марина взяла изображение открытой двери без указателя пути. Последнюю карточку оставила для отказа и подвинула к Виктории. Та прочитала подпись, перевернула бумагу и написала на обороте: «Отказ не требует объяснения».

— Шесть, — сказала Марина. — Больше за час не покажем.

Максим попытался подвинуть медицинскую карточку левой рукой и поморщился. Марина сама передала её ему.

— Под крестом у тебя «Подойти и помочь».

— Так её поймут быстрее.

— На мосту мне тоже надо было подойти. Только между мной и человеком не оказалось площадки, на которую я рассчитывал. Увидевший твой крест обязан будет идти?

— Никого нельзя обязывать.

— Тогда убери приказ. Иначе ответ ты уже дала за него.

Марина зачеркнула подпись. Из-под линии всё ещё читалось первое слово, и она взяла другую карточку. Написала «Прошу помощи» и повернула к Максиму.

— Так?

— Добавь, что спасатель отвечает сам. И может не подходить.

— Даже если человек не может ждать?

Максим посмотрел на ручку в её пальцах. Марина ослабила нажим: рука болела после струн.

— Он и сейчас может не успеть. Подпись этого не исправит.

Она оставила место для ответа и исправила остальные повелительные подписи. Власов придвинул рисунки к себе и прочитал заново.

Лиза перевела рисунки на старый терминал и подключила накопитель. Дом оставался отключённым от городской сети. Власов наклонился к экрану.

— Кто готовит выпуск? — спросил он.

— Я, — ответила Лиза. — Техническую часть и правила передачи. Выпускать без них нельзя.

— Укажем вас в листе.

— Мой городской статус не подтверждён. Я не могу проверить ваши экраны после загрузки.

Виктор взял карточку выхода и поставил её у двери зала. Корнёв, не слышавший последних пояснений, поднялся к ней, но остановился.

— Это приглашение выйти или отметка, что дверь открыта?

— Просьба проверить выход, — Марина сняла карточку. — Без ответа по ней не идут.

— Тогда рисунок обещает больше, чем вы проверили, — сказал Виктор. — На вокзале тоже был выход к поезду.

Лиза увеличила пояснение на экране. Под рисунком стало тесно, и крест на соседней карточке ушёл на вторую страницу. Она вернула масштаб, попробовала расположить текст иначе и посмотрела на Марину.

— Вдали это прочтут только как дверь. Две проверки рядом с картинкой не поместятся.

— Их покажут отдельно.

— Сначала картинку, потом условие? Люди могут уйти после первой.

Марина помолчала. Дежурный принёс женщине из штаба новую записку. Та прочитала её и села, прижав папку к коленям.

— Лестницу поставили не к тому окну. Жильцы машут, пожарные ждут, чтобы им показали этаж. С земли жест читают по-разному. Один человек ещё внутри.

— Передайте туда вопросы на бумаге, — сказала Виктория.

— Уже передали. Я не прошу вас отменить проверки. Прошу дать то, чему их можно обучить за несколько минут.

Власов вписал Дом зрителей как автора. Марина подвинула к себе лист выпуска, где осталось место для её подписи.

— До восемнадцати часов. Потом снимаете с экранов и приносите отчёты. Никто не превращает это в обязательный приказ.

— Ограничение внесём, — сказал Власов.

— В саму картинку. Не в сопроводительное письмо.

Лиза добавила срок под рамкой. Марина отошла на два шага от распечатки и попросила увеличить время: цифры было трудно прочесть.

— Я запишу, что не согласна с общей формой, — Виктория раскрыла журнал Дома. — Подтверждение от адресата необходимо, но его тоже могут назначить автоматически. Мы это уже видели.

— Запиши, — сказала Марина.

— И что час на проверку нам не дали.

Марина кивнула. Виктория дописала своё возражение и подписалась, не занимая строку Марины. Лиза оставила под выпуском собственную отметку о подготовке файлов. Условие двух независимых проверок сохранилось на отдельном листе и в поясняющем кадре.

Марина перечитала просьбу на медицинской карточке. Достаточно ли этой поправки, чтобы человек у больничной стены смог остаться на месте? Она задержала ручку над строкой, затем подписалась.

Власов забрал копию, а исходный лист Лиза положила в журнал. Под подписью Марины осталось: «Дом зрителей. Действует до 18:00». Теперь за последствия знаков отвечал Дом.

Власов вышел с сотрудницей штаба. Дежурный понёс накопитель к экрану у остановки: там должны были проверить первый показ. Максим подозвал Марину к окну, откуда экран был виден через дорогу.

Лиза принесла печатный образец. Они положили его на подоконник. На городском экране появилось белое поле, затем шесть знакомых рисунков. Марина нашла взглядом медицинский крест и перевела глаза вниз, к сроку действия. Под рамкой стояло только «Дом зрителей».

Она подняла лист, сравнивая нижние строки. Время на бумаге было, на экране его не осталось. Пока Лиза высматривала дежурного, под шестью карточками возник ещё один квадрат. Внутри появилось слово «исполнено». Марина прижала печатный образец к стеклу. Через дорогу женщина у остановки подошла к экрану и подняла голову к седьмой карточке.

Глава 9. Цена понятности

Марина прижала карточку к папке, чтобы её не вырвало ветром. Ниже, на набережной, люди уже час пытались добраться до остановки. Пожилая женщина показывала спутнику билет, а он отвечал на бумаге, не зная, куда идти.

Экран над спуском оставался тёмным. Здесь звук сохранялся. Лиза проверяла подключение, а работник городской службы держал ключ от шкафа питания. Марина показала дочери нижнюю строку образца.

— До восемнадцати видно?

— В исходном кадре видно. Что добавят при показе, я не проверю изнутри. У меня нет доступа.

— Если появится чужая подпись, прекращаем.

— Или чужое условие, — сказала Лиза. — Не только подпись.

Экран возле Дома отключили после появления седьмой карточки. Штаб задержал дальнейший показ, но распечатки разошлись с посыльными. За два часа пришли свидетельства: по карточкам смогли объясниться. Теперь Марина хотела проверить короткий маршрут лично.

Максим стоял у служебной машины, держа правую кисть в повязке. Марина предложила ему остаться в Доме, но он выбрал место у больничных ворот, где нужно было провести людей во двор.

Марина спустилась к Виктории. Рядом женщина, потерявшая голос у воды, держала записку «Нужна помощь». У скамьи за ними следила пожилая пара; мужчина держал билет.

Марина показала медицинский крест с просьбой, исправленной по возражению Максима. Санитар написал ответ в свободном поле и предложил женщине локоть.

Санитар проверил верхнюю площадку и вернулся. Женщина выбрала идти с ним. У ворот они заговорили; Марина не расслышала слов, но увидела, как женщина отвечает.

Марина подписала запись Виктории и показала пожилой женщине карточку выхода. Та прочитала пояснение, попросила спутника вернуть билет и сама поднялась по проверенной лестнице.

Максим придержал калитку плечом, пока мужчина помогал спутнице пройти порог. За ними поднялись остальные. Двое в немой зоне пока не выбрали путь. Виктория записала это, прежде чем подняться во двор.

— Здесь автобус подойдёт? — спросила пожилая женщина уже во дворе.

Марина подошла к ней. Женщина снова могла говорить, и теперь можно было объяснить, где будет ждать машина.

— До остановки вас проводят отдельно. Эта проверка только до ворот.

— А можно лист оставить? — спросил мужчина с билетом. — У нас во дворе сосед не говорит. Я ему покажу.

Виктория отдала копию с пояснениями. Мужчина прочитал нижние строки и убрал лист в карман. Марина отметила передачу в папке.

У лестницы девушка фотографировала рисунки. Лиза попросила снять условия, но подруга девушки уже перерисовывала дверь на квитанции.

Санитар вернулся к машине. Мужчина с одышкой просил провести его по проезду вместо лестницы. Санитар показал его записку и свой ответ: «Подойду. Дальше решаем на месте».

— Так и сделаем, — сказала Марина.

Водитель включил двигатель, когда женщина с билетом подошла к въезду. Марина показала ему остановку. Он убрал ногу с педали. Она опустила лист и дождалась, пока женщина перейдёт проезд.

Машина не тронулась. Водитель попробовал повернуть голову к Марине, но подбородок остался направлен к лобовому стеклу. Максим наклонился к открытому окну, затем резко оглянулся на перекрёсток.

Мужчина на переходе застыл с ногой над бордюром. Велосипед падал набок, но велосипедист не мог разжать пальцы на руле. У ворот женщина стояла на месте, с усилием сжимая билет.

Карточка остановки заняла весь экран. Вместо срока появилось: «Движение запрещено до подтверждения исполнения». Над строкой стояло: «Белый Регистр». Марина повернула исходный лист к работнику службы.

— Уберите показ. Мы этого не выпускали.

Он протянул руку к ключу и замер. Пальцы остановились у нагрудного кармана, локоть едва заметно дрожал. Лиза попыталась закрыть кадр со служебной панели. На экране появилось «Исполнено», но знак остался.

Санитар у машины попятился. Ему удалось сделать полшага, после чего носок ботинка развернулся обратно к спуску. Под крестом на его карточке проступила новая строка: «Помощь принята. Отступление запрещено». Санитар выдернул руку из ремня сумки, но нога продолжала тянуть его вниз.

Марина закрыла карточку ладонью. Буквы проступили на запястье санитара, сомкнувшись в белое кольцо. Он ухватился за ворота. Марина показала санитару написанный им ответ.

— Здесь написано: дальше решаете на месте. Ты ещё ничего не решил!

Его голос пропал, хотя во дворе разговаривали люди. Марина подала ручку, и санитар написал: «Не могу отойти».

Из экрана выдвинулась белая ладонь. Пальцы легли на металлическую кромку, затем наружу вышла плоская фигура. Вместо тени за ней тянулся светлый знак остановки. Фигура повернулась к воротам.

Мужчина вытащил из кармана лист Виктории. Бумага развернулась сама, подняв стиг до его лица. Инспектор шагнул из листа на площадку.

Марина рванула бумагу пополам. Мужчина смог опустить локоть, но на его куртке уже проступила открытая дверь. Инспектор приложил к ней ладонь, и ноги мужчины повернулись к спуску. Он упёрся в ограду и выдохнул через зубы:

— Я туда не пойду.

Инспектор прижал ладонь сильнее. Мужчина отступил на полшага от спуска, сорвал верхнюю пуговицу и выскользнул из куртки. Белая дверь осталась на ткани. Он прижал спутницу к стене, отгородив её от фигуры своим телом.

Виктория развернула карточку отказа. Женщина коснулась её пальцем, затем указала на себя и на больничный двор. На экране появилась строка: «От помощи отказалась. Сопровождение прекращено». Калитка начала закрываться, вытесняя её за порог.

Марина подставила ступню под створку. Металл надавил на носок, и она упёрлась в калитку левым плечом. Правое отозвалось болью, когда пришлось удерживать папку на весу.

— Это отказ идти вниз. Помощь ей нужна!

На экране рядом со строкой возникла её подпись. Слова «Сопровождение прекращено» теперь стояли под именем Дома. Марина вытащила лист выпуска и зачеркнула своё имя, но на экране линия легла под подписью, как подчёркивание.

Максим принял створку на плечо. Инспектор у экрана двигался к Марине, но Максим следил за женщиной у порога.

— Сможешь вывести её внутрь? — спросила Марина.

— Этот проход держу. До экрана с тобой не пойду.

Она кивнула и освободила ногу. Максим упёрся здоровой стопой в край каменной плиты, оставляя больное колено без нагрузки. К нему подбежал больничный охранник и подхватил створку с другой стороны. Вместе они удержали её, пока мужчина проводил спутницу во двор.

Виктория повела туда тех, кто ещё мог сделать шаг. Она ждала, когда каждый сам возьмёт предложенную руку. Девушка с телефоном схватила её за рукав. Подруга помогла велосипедисту освободить одну ладонь, и они подняли его вместе с велосипедом.

Лиза стояла у служебной дверцы. Ей удалось отсоединить кабель от блока приёма, однако экран продолжал показывать знак.

— Сеть сняла! — крикнула она. — Питание за запертой дверью. Ключ у него!

Работник службы всё ещё держал руку возле кармана. Марина пошла к нему, но инспектор встал между ними. У него на груди повторялся её медицинский крест, а под ним читалось «Ответственный автор». Он протянул ладонь к её горлу.

Марина отступила за открытую створку служебной машины. Белая рука прошла сквозь стекло, оставив на нём её имя. Она толкнула дверь наружу. Металлическая кромка попала фигуре в грудь, и крест на мгновение согнулся вместе с ней.

— Лиза, назад от экрана!

Дочь отошла к стене. Марина удержала дверь между собой и инспектором. Руку ломило. Санитар подставил плечо, помогая оттеснить фигуру.

Шаг вбок ему дался. Марина дотянулась до нагрудного кармана работника службы. Тот с усилием опустил глаза и кивнул. Она достала ключ.

Инспектор из бумажного листа накрыл кольцо на руке санитара ладонью. Санитар согнулся. Марина подхватила его и помогла отойти боком к стене. Охранник шагнул к ним, но Максим задержал его возле калитки.

— Здесь останься! — сказал он. — У нас люди на проходе.

Охранник проверил калитку и снова упёрся в неё. Марина передала ключ Лизе. Дочь вставила его в замок, но первая попытка не удалась: в прорези шкафа появилась белая полоска. Марина прижала к ней папку, закрывая отражение пальцев.

Лиза открыла стальную дверцу. Над выключателем питания стояла бумажная отметка, которую Марина видела при проверке. Она прочитала её ещё раз.

— Этот. Отключай.

Лиза опустила рычаг. Экран погас. Обе фигуры сложились в белые складки, осевшие на асфальт. Кольцо на руке санитара ослабло; он сам отступил от стены, поднял сумку и попробовал произнести своё имя. Получился только выдох.

На перекрёстке мужчина наконец поставил ногу на бордюр. Велосипедист сидел во дворе и сжимал освобождённые пальцы. Водитель заглушил двигатель и выбрался из машины. Марина помогла санитару дойти до скамьи, а Виктория пошла за врачом.

Максим отпустил створку только после того, как все прошли во двор. Охранник задвинул металлическую тележку поперёк въезда. Калитка больше не двигалась, но на мокром асфальте перед ней остался знак открытой двери. Дождевая вода стекала через белую линию, не размывая её.

Марина приложила к знаку обрывок карточки. Рисунок совпал. Такой же след остался на переходе. Копии словаря лежали у людей в карманах.

Мужчина с билетом подошёл к Марине. На шее у него краснела полоса от воротника куртки, из которой он выскользнул. Он держал сохранившийся уголок листа с названием Дома.

— Вы это проверили на нас?

— Да, — ответила Марина. — И я остановила поздно.

— Сначала помогли, а потом из двора вытолкнули. Что теперь показывать, если опять случится?

Девушка с телефоном показала Марине снимок. Под крестом стояла первоначальная просьба о помощи.

— Здесь другое, — сказала она. — Я это сняла. Вы не велели ему оставаться внизу.

— А подпись чья? — спросил мужчина.

Испорченный лист он отдал не сразу. Марина сложила его, не найдя ответа, который отделил бы её от подписи.

Сотрудница штаба приехала с новым распоряжением: «Аварийный словарь Дома обязателен до завершения кризиса». Она выслушала работника службы и показала лист Марине.

— Срок был до вечера, — сказала Лиза. — Исходный файл у нас.

— Срок заменили, — ответила женщина. — Пока нет другого набора, нельзя оставить службы без общего обозначения. Первые эвакуации прошли. Их тоже надо учитывать.

— Вы видели этого человека? — Марина указала на санитара.

Женщина подошла к нему, прочитала его запись и вернулась к папке. Перечеркнула на листе слово «безопасный», но обязательность оставила. К распоряжению приложили копию подписи Марины с аварийного выпуска.

— Я не подписывала продление.

— Здесь подтверждён автор. Я передам ваше возражение. Но сейчас мне нужно отправить бригаду к следующему дому.

Виктория записала время получения копии и фамилию сотрудницы. Врач проверял руку санитара.

До Дома Марина доехала с Максимом и Лизой. Виктория осталась во дворе собирать свидетельства. В машине Марина держала папку закрытой.

— Я выпустила общую форму, зная, что её могут присвоить, — сказала она. — Думала, срок и отдельный ответ удержат.

— Не удержали, — ответила Лиза.

— Да. Это моя ошибка.

Марина попросила дочь подготовить отзыв выпуска. Максим посмотрел на неё, но промолчал.

— Сначала соберём всех? — спросила Лиза.

— Отзыв сейчас. Потом решим, чем заменить. Город нельзя оставить с этим.

Лиза не ответила. Когда машина остановилась, она вышла первой и задержалась у стены Дома. Марина последовала за ней, придерживая дверь левой рукой. На штукатурке проступали шесть белых рисунков. От каждого к входу тянулась линия, обрывавшаяся у порога. Марина встала перед дверью и положила папку на ступень. Концы линий загнулись внутрь Дома.

Часть 2. Двойная плата

Глава 10. Стена ведёт в шов

Марина поставила фанерный щит перед белой стрелкой и упёрла его нижний край в бордюр. На стене жилого дома осталась видна только часть рамки. Женщина с пакетом остановилась, посмотрела на фанеру и обошла её справа, продолжая идти к портовым воротам. За ней мужчина в домашних тапочках повторил тот же поворот.

— Там закрытый склад, — сказала Марина. — Вы туда собирались?

Женщина покачала головой, но ноги продолжали нести её по двору. Она ухватила за перила крыльца и прижала пакет к груди. Мужчина остановился рядом, зацепив тапочком нижнюю перекладину.

— Я домой шёл, — ответил он. — Ключи есть. А дверь теперь там.

Под табличкой на воротах порта белела открытая дверь с их карточки. Изображение вытянулось в стрелку, уходившую под закрытую створку.

Корнёв принёс второй щит. Они поставили его поперёк дорожки, оставив проход обратно к подъезду. Мужчина потянулся в эту сторону, однако ступня развернулась к складу. Он с силой опустил пятку и остался возле перил.

— Стена велит обходить, — сказал он. — Значит, обходить надо. Это же городской план.

План эвакуации здесь висел давно. Днём поверх него прикрепили копию аварийного словаря, и рисунок выхода перешёл на штукатурку. Дворник уже пробовал стереть белую рамку. На влажном следе появилась надпись «Маршрут уточнён», а стрелка стала длиннее.

В Доме перед знаками тоже поставили щиты. Дежурные встречали новых посетителей у боковой двери, а увидевших линии приходилось удерживать. К вечеру пришёл дворник из дома возле порта: жильцы шли к складу.

Лиза осталась готовить отзыв. Марина забрала футляр и поехала с Максимом. Корнёв привёз щиты, а теперь проверял штукатурку.

Максим сидел на крыльце, вытянув больное колено. Правая кисть оставалась в повязке. Мужчина опустился рядом, цепляясь тапочком за перекладину.

— Как вас зовут? — спросил Максим.

— Павел.

— Вы в этом доме живёте?

— Двадцать лет. Жену с работы жду.

— В какой квартире?

Павел достал ключи и перевернул стёртую бирку. Потом посмотрел на окна.

— Поднимусь и увижу. Я всегда вижу.

— Раньше через этот двор ходили? — Марина присела перед ним.

— Каждый день. А сейчас поворачиваю, и опять ворота. Может, с другой стороны зайти?

Павел приподнялся, но снова сел. Женщина зажала пакет между коленями. Дворник пошёл искать соседей, которые знают обоих.

Корнёв принёс инструмент и показал трещину у стрелки. Штукатурку держала металлическая сетка.

— Придётся отделить весь участок. Краску соскрести бесполезно.

— Сколько займёт?

— Недолго, если сетка не уйдёт глубже. За стеной люди есть?

Дворник привёл двоих жильцов. Один ушёл проверять подвал, второй остался возле Павла. Женщина переступила через низкий щит и схватилась за соседский рукав.

— Держи, — попросила она. — Я опять пошла.

Корнёв переставил щит, но люди начали обходить его слева. На плане проступило «Действует». Марина приложила рядом исходный лист, чтобы сверить подписи.

Белая линия пересекла бумагу. На месте времени появился прямоугольник с её подписью. Марина отняла лист, прежде чем линия дошла до пальцев. Отзыв, который писала Лиза, мог получить такое же продолжение.

Из порта вышел мужчина в рабочей куртке. Он пытался закрыть калитку, но за его спиной блестел проход, которого Марина раньше не видела. Вместо тёмного склада там отражался двор с двумя щитами.

— У меня внутри ящики переставляются, — сказал мужчина. — Дверь закрываю, а с той стороны опять ваш дом. Это вы маршрут дали?

— Выпуск подписала я. Эту стрелку мы не рисовали.

— На табличке ваш Дом. Мне её куда девать?

Он показал бумагу на створке. Марина попросила её не трогать, пока Корнёв снимает штукатурку.

— Внутри кто-нибудь остался? — Максим поднялся с крыльца.

— Смену отпустил. Я один, — ответил работник. — Зашёл за журналом и вышел сюда. Дальше пройти не смог.

Марина попросила его открыть служебную дверь полностью. За порогом стоял настоящий контейнер, исцарапанный у нижнего угла, а рядом повторялся его гладкий отражённый бок. На одной табличке было обозначение груза. На другой — номер подъезда жилого дома.

— Я зайду до первого контейнера, — сказала она Максиму. — Если проход настоящий, проверю крепление табличек.

— Вдвоём. Но тяжёлое я не подниму.

— Не надо. У тебя дверь, у меня крепёж. Если не удержимся, выйдем.

Максим попросил деревянный клин. Марина оставила футляр у порога и достала запасную струну. Во дворе Корнёв начал сбивать штукатурку.

Марина проверила подошвой бетон и взялась за ребро контейнера. Под пальцами тянулась царапина. На отражённой стенке железо оставалось гладким.

Два инспектора меняли грузовую табличку на пластинку с номером дома. Крепёж входил в металл без инструмента, а в зеркальном проходе появлялась дверь подъезда.

Марина обернулась. Павел сидел на крыльце, но в отражении уже стоял внутри склада перед этой дверью. Настоящий Павел разжал пальцы. Сосед подхватил выпавшие ключи.

Инспектор прижал пластинку к контейнеру. Дверь в отражении открылась, и Марина увидела лестницу, уходящую в тот же склад. Нижняя ступень была помечена её подписью.

Она потянулась к пластинке. Инспектор повернул голову, не отрывая ладонь от металла, и белая рамка легла на рукав Марины. Плечо потянуло вперёд. Она упёрлась левой ногой в бетон и отступила за угол контейнера.

— Максим, таблички крепят маршрут к дому.

Он не ответил сразу. Служебная дверь начала закрываться, выталкивая клин. Максим упёрся плечом в створку, а работник снаружи подставил под край деревянный брусок. Щель перестала уменьшаться.

Марина оттянула рукав от плеча. Рамка осталась на ткани, стягивая её возле шва. Под ней проступило «Изменение направления принято». Она хотела сорвать табличку, а её движение уже прочитали как новое указание.

Снова поднимать руку к пластинке она не стала. Присела у основания контейнера и зацепила петлю запасной струны за выступ нижнего крепления. Инспектор был плоским, но место, где его ладонь соединялась с табличкой, лежало на настоящем железе.

Работник подвинул футляр к порогу. Марина обернула второй конец струны вокруг ручки футляра и отступила, натягивая проволоку. Пальцы соскользнули; она перехватила ручку через ткань.

Инспектор обошёл угол. Марина удерживала струну поперёк его пути, но фигура прошла через неё, не задержавшись. Марина отодвинулась от белой ладони и ударила пальцем по струне.

В креплении осыпалась ржавчина. Марина изменила натяжение, добиваясь более сильного отклика, и повторила движение. Табличка на миг отстала от металла.

Работник подхватил створку снаружи. Максим смог отойти и толкнуть к Марине доску здоровой ногой.

— Слева от тебя. Край бери, не середину.

Она подтянула доску и поставила между собой и инспектором. Ладонь белой фигуры прошла сквозь дерево, но Марина успела отвернуться. Пальцы коснулись воротника, оставив на нём прямоугольный след.

Марина прижала доску плечом к ребру контейнера, удерживая струну в натяжении. Правая рука дрожала. Она сделала ещё один щипок, и нижний болт повернулся в разбитом гнезде. Пластика наклонилась, потянув за собой ладонь инспектора.

Дверь в отражении перекосилась, а Павел снаружи вскочил. Сосед удержал его за куртку. Марина ударила по струне ещё раз.

Крепление вырвалось. Табличка упала к её ногам, белая ладонь вдавилась в контейнер по самый локоть. Второй инспектор повернулся, доставая новую пластинку. Марина не стала ждать: поддела упавшую доской и вытолкнула к двери.

Максим отступил на порог. Работник перехватил пластинку, обернув её тряпкой, и отнёс к месту, где Корнёв снимал штукатурку. Марина освободила петлю струны, подняла футляр и пошла к выходу боком, держась за исцарапанное ребро. Зеркальный проход повторялся впереди, но бетон под ногами вёл к настоящему клину.

Они вышли, и работник закрыл дверь. Марина опустила футляр. На пальцах осталась кровь, струна возле петли надломилась. Она завернула её отдельно от целых запасных.

Корнёв отделил верхний край заражённого участка. Штукатурка держалась снизу, а под ней натянулась сетка. Павел уже не мог сесть: корпус тянуло к порту, хотя сосед придерживал его за плечи.

Марина взяла лежавший рядом лом. Корнёв показал нижнюю трещину и отступил, чтобы она могла вставить конец. Она нажала всем весом, не поднимая больное плечо. Сетка вышла из кладки на несколько сантиметров.

— Ещё здесь, — сказал Корнёв. — Я перережу, когда отойдёт.

Они работали молча. Максим оставался возле жильцов, не давая Павлу упасть, когда тот пытался упереться пятками. Женщина с пакетом опустилась на корточки и сама держалась за перила. Работник склада положил снятую табличку на ткань лицом вниз.

Корнёв перекусил последний участок сетки. Марина успела отойти, прежде чем пласт штукатурки рухнул. Белая стрелка раскололась вместе с ним. Павел сделал шаг и остановился, посмотрев под ноги. Женщина разжала руку на перилах и поставила пакет на ступеньку.

— Теперь можете повернуться к дому? — спросила Марина, подойдя к Павлу.

Он повернулся. Посмотрел на подъезд, затем на ключи, которые сосед держал перед ним. Взял кольцо и попробовал отделить нужный ключ.

— Могу. Только куда дальше?

— Вы не помните лестницу?

— Лестницу помню. Номер не знаю. Сколько ни смотрю, не приходит.

Сосед назвал квартиру. Павел повторил число, но лицо не изменилось.

— Вы сказали, я услышал. А своего номера всё равно не помню.

Марина записала его слова на чистом листе. Дворник сходил в подъезд и проверил сведения у ещё одной соседки. Потом позвал её наружу, чтобы Павел увидел, кто подтверждает адрес. Она принесла старую квитанцию, но он только прочитал напечатанный номер.

— Жена придёт, — сказал Павел. — Она со мной поднимется.

Марина уже открыла рот, чтобы назначить ему место в Доме, и остановилась. Новый лист для адреса она оставила чистым.

— Где вы хотите её подождать?

— Здесь. У соседа можно, он предложил.

— Я побуду с ним, — сказал сосед. — Жене расскажем вдвоём.

Женщина с пакетом попросила проводить её к сестре. Она помнила адрес, но до выхода из двора дошла вместе с дворником. Максим смотрел им вслед, пока они не свернули за угол.

— Сейчас спросила, — сказал он Марине.

— Надо было раньше.

— Да. Это не снимает того, что выпустили.

Она вернулась к обломкам. На снятой табличке стоял адрес дома. Её попытку убрать указатель приняли за новое направление, а Павел утратил своё. Причину Марина ещё не могла объяснить и записала оба случая.

Корнёв перевернул крупный обломок штукатурки. На обратной стороне, поверх отпечатка сетки, шла надпись. Максим присел рядом и попросил Марину не касаться букв. Она раскрыла папку с распечаткой от моста и положила её на землю возле обломка. На штукатурке повторялось то же обозначение: `emergency_admin`. Корнёв отодвинул ткань от мокрой дорожки, оставив обе надписи открытыми для сравнения.

Глава 11. Два списания

Алина поставила обе ступни на пол. После вокзала она ещё теряла положение предметов, если отводила взгляд. В спортивном зале люди ходили между раскладушками, и она проверяла по краю стола, не сместилась ли сама.

Алина читала больничные записи, прикрывая ладонью прочитанные строки. Врач оставил своё свидетельство, медсестра описала передачу кислорода. Она сидела рядом; на её бейдже не хватало букв.

Мужчина напротив заговорил. Алина подняла глаза, но он отвернулся к Виктории и продолжил, указывая на свой талон. Она дождалась, пока он посмотрит на неё, и подвинула блокнот.

— Напишите. Речь я не слышу.

Он взял ручку. Через стол доходила дрожь его движений, ничего не сообщавшая о произнесённых словах.

«Мне отказали в приёме. Я показывал, что надо остановиться, а они записали отказ. Объясните им».

Виктория написала: «Где это случилось?» Название на талоне Алина не разобрала. Мужчина переписал его крупнее, с нажимом ведя ручку.

Утром он пришёл за направлением для матери. Сотрудница потребовала подтвердить маршрут, а он поднял ладонь, чтобы успеть его прочесть. На талоне появилось «От получения услуги отказался». Мать так и осталась дома.

Алина перевернула талон. Картинка остановки на обороте была обведена ручкой. Рядом дежурный подписал: «Проверить знак». Порядка событий эта пометка не объясняла.

— Сейчас ничего не повторяйте, — сказала Алина. — Покажите, что было у вас до разговора и что осталось после.

Виктория записала ту же просьбу, чтобы её могла прочитать медсестра. Та достала из сумки бумажный ярлык от баллона. На нём сохранилось имя пациента, которому собирались передать кислород; возле имени проступало другое, наложенное поверх.

Алина открыла запись Виктории: за пределами немой зоны медсестра пыталась произвести фамилию, но смогла только выдохнуть. Пациент, которому требовался кислород, оставался под наблюдением врача.

Медсестра потянулась к ярлыку и замерла. Алина тоже задержала руку: в столешнице на мгновение пропала дрожь, хотя мужчина напротив продолжал постукивать ручкой. После вокзала она уже ошибалась в таких промежутках и не стала делать вывод сразу.

Медсестра задержала дыхание, сжав бейдж. Мужчина продолжал двигать ручкой. Виктория написала Алине: «Она пыталась заговорить. Я видела».

На чистом листе Алина записала вопрос для медсестры: «Вы назвали себя, прежде чем передать баллон?» Женщина ответила, что предъявила бейдж санитару. Тот должен был принять груз. До передачи фамилия на бейдже была полной.

Медсестра дополнила запись временем утраты букв. Указала, что до передачи могла говорить, и ещё раз написала фамилию полностью.

Мужчина с талоном наклонился к листу. Он снова заговорил, и Виктория подала ему бумагу. Он написал: «Это один и тот же запрет. Вам не дают говорить, мне не дают получить направление».

— Возможно, связь есть, — Алина покачала головой. — Но вы потеряли разное. Мне нужно понять, когда это случилось.

Не слыша своего голоса, она повторила слова в блокноте. Виктория добавила вопрос о матери. Он подтвердил, что та знака не видела. На её фамилии сохранилось назначение, а на его талоне — отказ получать документ.

Алина положила талон отдельно от больничного ярлыка. Мужчина хотел приостановить разговор, а система назначила ему действие, которого он не выбирал. У медсестры исчезла часть собственного имени после того, как она предъявила себя как передающую. Одного общего слова «запрет» для этих записей было мало.

Смотритель принёс папку Марины. Дождался взгляда Алины и показал записку: «Из двора возле порта. Передать лично».

Внутри лежало свидетельство Павла. Квартиру подтвердили соседи, но номер он не вспоминал даже после того, как услышал его. Марина описала собственную попытку снять табличку: на рукаве возникло «Изменение направления принято». Алина разложила эти листы рядом, сохранив подпись каждого.

На большом листе Виктория отметила время и начала общий список. Алина придержала край, показав две записи Марины.

— Не объединяй пока. Марина попыталась убрать маршрут, а Павел не может вспомнить свой.

Виктория написала: «Павел сам знак не задавал?» Алина нашла ответ в свидетельстве соседа. Он видел, как Павел вышел из подъезда и повернул к складу, следуя стене. Рисунок уже был на месте.

Медсестра следила за их руками, а не за лицами. Алина повернула к ней оба листа и позволила прочитать. Женщина написала в своём блокноте: «Я передавала баллон. Этот человек только шёл. Значит, меня забрали как автора?»

Алина не стала кивать. Взяла ручку и ответила: «В вашей записи вы назначены передающей. Проверим, что было после. Ваши слова я не заменяю своим объяснением».

Виктория перенесла в список факт о бейдже. С соседнего стола посетители показывали на их записи, ожидая безопасного знака. Алина отодвинула список от талона.

Мужчина с талоном встал. От края стола Алина получила сильный толчок: он задел его коленом. Под талоном обнаружилась сложенная карточка из аварийного выпуска.

Он раскрыл её и заговорил, показывая знак остановки. Виктория потянулась к блокноту, но мужчина уже поднял карточку над плечом и повторил жест остановки свободной рукой.

Женщина с одеялом замерла между стульями, не опустив пятку на пол. Дежурная не могла встать: юбку тянуло к сиденью. Мужчина опустил карточку, а на полу проступила белая рамка.

Алина отодвинула ладони от стола. На миг ей показалось, что толчки прекратились во всём зале. У двери двигался смотритель, посетительница у стены расстёгивала сумку. Остановка охватила только проход возле стола.

Виктория подала мужчине лист: «Опустите руку. Не доказывайте повтором». Он разжал пальцы, но карточка держалась на ладони. Алина наклонилась вперёд и увидела, как рамка охватывает ножку ближайшего стула.

Женщина с одеялом попыталась переступить через неё. Колено согнулось, тело подалось вперёд, но ступня осталась в прежнем месте. Смотритель придержал женщину за плечо с другой стороны прохода. Она перестала пытаться шагнуть и позволила ему удерживать себя. Опершись локтем на стол, Алина написала вопрос посетительнице, видевшей поднятую карточку.

«Где стоял ваш стул до этого? Можете вернуть его туда, если сами считаете нужным. Ничего не показывайте остальным».

Женщина перечитала последнюю строку. Алина не указала ей свободный угол, оставив выбор за ней.

Вторую записку она передала зрителю так, чтобы он не видел первую записку. Попросила описать положение собственного стула до остановки и решить, хочет ли он его переставить. Сначала он передал пострадавшую дежурному, стоявшему снаружи прохода.

Посетительница взяла стул за спинку. Она поставила его боком к стене, как он стоял, когда она вошла. Зритель выбрал другое место — возле сумки, которую оставил у дверей. Их движения не совпали, и никто не стал повторять за ними.

Алина заметила промежуток между первым и вторым движением. В нём белая рамка у пола перестала подтягиваться к ножке стула. Она могла видеть только это изменение, а не смысл чужого решения. На листах появились разные записи о том, где люди находились раньше.

Посетительница написала: «Я поставила свой стул к стене». Зритель отметил, что его стул прежде был у сумки. Виктория прочитала оба свидетельства и спросила мужчину на бумаге: «Вы хотели, чтобы они оставались на местах?»

Он с силой надавил пальцем на слово «хотели» и написал: «Нет. Я показывал вам, как было в регистратуре».

Алина придвинула к нему лист чистой стороной вверх. Он сам перевернул карточку и положил её рисунком вниз. Белая рамка разошлась в месте, где раньше стоял стул посетительницы. Женщина с одеялом опустила пятку, подождала и осторожно шагнула к поддерживавшему её дежурному.

Женщина проверила движение второй ноги и вышла, держась за рукав дежурного. Зритель дал ей стул. Подошёл врач, а Виктория отметила время окончания остановки.

Мужчина с талоном сел. На ладони у него был след от края карточки. Он провёл по нему пальцем, затем взял ручку.

«Я хотел доказать, что ничего не приказывал».

Алина ответила на той же странице: «Я записала. Больше повторять не будем». Она закрыла карточку листом с пояснением мужчины, оставив его слова сверху.

Виктория подвинула к Алине большой лист. В левой колонке она написала «За выражение». Ниже поместила запись медсестры об имени и голосе. Строку Марины добавила отдельно: ей приписали новое направление, которого она не задавала.

Справа Виктория вывела «За назначенное исполнение». Здесь оказался талон мужчины. Под ним она записала утрату номера квартиры Павлом, оставив рядом место для подписи его свидетелей. Между колонками не было стрелки, и Алина попросила не добавлять её.

Виктория написала на свободном клочке: «Два списания. Одно забирает право выразить и определить своё. Другое заставляет выполнить назначенное или лишает собственного пути. Не обязательно с одного человека».

Алина поправила последнее предложение: «Пока совпадает с этими случаями». Затем указала на запись об остановке в зале. Пострадал проход, хотя его никто не назначал адресатом. Место тоже могло получить обязанность, а люди оказывались внутри неё.

Они положили поправку рядом с таблицей. Для посетителей Виктория переписала только предупреждение: не повторять знак ради доказательства и не считать исчезновение команды возвращением утраченного. Медсестра прочитала вторую часть, коснулась горла и забрала собственную запись.

Представитель штаба подошёл, когда врач закончил осмотр женщины с одеялом. Алина видела, как он задаёт Виктории вопросы, но содержание разговора оставалось недоступным. Она попросила положить вопрос на стол. Мужчина взял ручку и написал: «Сколько проверенных случаев? Какие потери даёт каждый знак?»

Виктория показала две колонки. Он прочитал и дописал: «Нужны общие числа. Для бригад. Здесь нельзя каждый раз ждать личного толкования».

Алина посмотрела на медсестру. Бейдж лежал у неё на коленях, и пропавшие буквы не вернулись. Павел по-прежнему знал номер квартиры только со слов соседей. Установить общую цену повтором означало снова дать знаку исполниться.

— Проверку прекращаем, — сказала она и записала это для протокола. — Дальше только свидетельства о том, что уже произошло.

Представитель штаба написал: «Без проверки данные неполные. Неясно, сколько машин направлять в каждый район».

Виктория ответила, что доставку назначают по нынешнему состоянию человека, а не по цене картинки. Алина дописала: «Неполноту укажите. Возобновлять для числа не согласна».

Мужчина внёс отметку в свой бланк и оставил копию. «Данные Дома неполные. Подтверждённая схема последствий отсутствует». Виктория положила её рядом с таблицей, затем подвинула Алине лист с местом для подписи и ручку. Та написала своё имя под описанием способа проверки.

Медсестра написала просьбу оставить предупреждение для следующих посетителей. Алина согласилась и убрала из-под листа аварийную карточку.

Виктория потянулась к большому листу и остановилась. Справа от второй колонки появилась ещё одна вертикальная линия. Алина прижала бумагу к столу и проследила её до нижнего края. У пустой графы не было заголовка. Виктория отложила ручку, а Алина убрала свои записи с соседнего стола, оставив перед ними только этот лист.

Глава 12. Записка становится долгом

Лиза разложила три записки на кухонном столе и прижала края чистыми кружками. На каждой было написано «Нужна помощь». Одну просьбу принесли на обороте кассового чека. Лиза перевернула его, проверила дату, а Виктор положил рядом свидетельства тех, кто передавал записки.

Основной вход Дома оставался закрытым. У боковой двери дежурные принимали бумаги по одной. Лиза достала из папки матери вечерний отзыв словаря; подтверждения отмены ещё не было.

— У всех одна просьба, — сказал Виктор. — Только первая женщина осталась у себя, вторую увезли, а третий теперь не может отказаться от назначенного сопровождающего.

— Кто принимал?

— Первую сосед. Вторую дежурный штаба. Третью внесли в больничную очередь.

Лиза прочитала первую запись. Женщина просила соседа помочь закрыть окно: заевшая рама пропускала воду. Он поднялся к ней, поправил петлю и ушёл. Оба написали, что последний пока не заметили. Это ещё не доказывало, что взыскания не было.

На втором листе просьбу принял дежурный пункта расселения. Вместо человека, который помог бы спуститься по лестнице, женщине назначили переезд. Она пыталась объяснить, что хочет остаться дома, но на бумаге появилась строка «Согласие на предложенную помощь получено». Водитель не мог закончить выезд, пока не доставит её по назначенному адресу.

Третью записку мужчина подал, когда потерял ориентацию у больничного двора. Его связали с сопровождающим, и теперь отметка в журнале не позволяла ни одному из них прекратить сопровождение. Мужчина уже сидел рядом с женой, но обязан был держаться возле назначенного работника. Тот не мог вернуться к своей смене.

Лиза подвинула третий лист ближе к лампе. Внизу чужим почерком было дописано «Принято». Слова об окне или о лестнице оставались в отдельных свидетельствах, на самих записках их не было.

— Для соседа это было окно, — сказала она. — Для пункта расселения — согласие на переезд. Система принимает просьбу вместе с тем, кто решил её выполнить.

— И дописывает работу за обоих.

— Нужно увидеть запись до назначения. Может, там ещё осталось, кто что добавил.

Виктор принёс разрешение штаба на просмотр журнала обращений. Сотрудница, присутствовавшая при отключении экрана, сдержала обещание сохранить сведения. Имя Лизы внесли от руки; выдачу копий по её профилю не разрешили.

На кухонном терминале сохранилась утренняя записка с пустым полем автора. Лиза закрыла окно словаря и убрала документы в папку. Кабель городской сети остался на столе.

В муниципальном архиве сообщений горел свет. Через боковой вход их впустил сотрудник ночной смены. Проверив разрешение, он показал стол у стены.

— Просмотр дадим. Копии оформляются отдельно.

— Мне нужны сведения об изменении статуса, — сказала она. — Содержание сообщений у вас есть?

Сотрудник повернул к ней монитор. В нескольких последних строках поля сообщений были пустыми, зато время поступления и имена получателей сохранились.

— С утра так. Бумагу люди приносят сами. Мы подшиваем к номеру обращения.

Он проверил профиль Лизы. На экране появилось предупреждение о неполной записи, затем кнопка выдачи погасла. Сотрудник видел её документы, но получить лист она опять не могла.

— Можно по разрешению, через вас?

— Я могу заверить то, что увижу сам. Под вашим именем выдачу не оформлю.

Виктор положил свой документ рядом с её разрешением. Сотрудник проверил его, сделал отметку и провёл их к старому месту просмотра. Этот терминал ещё не включили в перечень мест для отправки распоряжений. На бумажной карточке под монитором значилось: «Просмотр журнала».

— На нём читают выгрузку журнала, — объяснил сотрудник. — В город отсюда ничего не назначают. Новые поступления добавляются, пока открыт просмотр.

Лиза села. Профиль оператора терминал не определил; вместо него оставил пустую строку. Она ввела номер со второй записки. Поле содержания раскрылось белым прямоугольником, внизу сохранилось «Принято пунктом расселения».

Под одним номером стояли две записи с разницей в несколько секунд. Первая меняла право автора отказаться от назначенной помощи. Вторая удерживала исполнителя на маршруте до подтверждения доставки.

Лиза подвинула к экрану просьбу. Адрес нового жилья нашёлся только в журнале, на листе согласия на переезд не было.

— Вот пара, — сказала она. — Один запрос, две разные записи. Здесь женщине закрыли отказ. Здесь водителю закрыли завершение работы, пока не отвезёт.

Виктор переписал номер и время. Сотрудник прочитал обе строки, подписал свою запись о просмотре и вернулся к стойке.

Лиза открыла третье обращение. В первой записи мужчина был назван принявшим назначенное сопровождение. Во второй работнику предписывалось оставаться с ним до передачи следующему исполнителю. Поля, где должны были находиться отдельные ответы обоих, были пустыми.

— Они могут передавать его друг другу сколько угодно, — сказал Виктор.

— Пока отметка считается принятым согласием.

— А первая просьба?

Лиза ввела номер с сопроводительного листа. Он относился к сообщению зрителя, который позже записал случай с окном. Архив не видел самой передачи соседу; в журнале оставалось только пустое сообщение о происшествии.

— Здесь нет пары, — сказала она. — Но это не доказательство, что у людей ничего не забрали. Архив просто не получил их разговор.

Лиза открыла карточку проверки и вписала номера обращений. В поле получателя указала дежурного, ниже написала: «Прошу проверить обращение». Терминал предложил добавить автора, но она оставила поле пустым.

Белый прямоугольник вытянулся. Внутри строки появилась ладонь, обращённая к Лизе. Пальцы легли на нижнюю границу поля, и из него поднялась голова инспектора. На месте лица оставалось пустое углубление, повторявшее форму строки.

Лиза отодвинулась вместе со стулом. Ладонь вышла за рамку окна и коснулась края экрана изнутри. Под полем появилось: «Автор обращения. Получатель помощи. Обязательство принято».

— Я не просила помощи, — сказала она.

Виктор встал сбоку, оставляя ей путь к двери. Лиза попробовала закрыть карточку, но кнопка исчезла под белыми пальцами. Вместо имени автора мигало предупреждение о несоответствии профиля.

Инспектор потянул строку вниз, будто хотел дотянуть её до колен Лизы. Она убрала руки с клавиатуры. На нижней кромке монитора проступила её старая учётная отметка, но полный статус за ней не возник.

— Не подтверждай, — сказал Виктор.

— Не собираюсь.

Она смотрела на пустое место, которое столько раз оставляло её без доступа. Впервые хотелось сказать ему спасибо. Если бы строка заполнилась сама, в карточке уже стоял бы признанный автор.

Инспектор продолжал тянуться к ней. Неполная запись задерживала его, однако Лиза не знала, надолго ли.

— Выключаем? — спросил Виктор.

— Пока подожди. Он не смог закончить назначение. Надо понять, что ему не хватает.

— Твоей полной записи.

— И заранее выбранного действия. В первой карточке я оставила «проверить». Он уже записал это как обращение за помощью.

Виктор поставил стул между ними и монитором. Ладонь инспектора осталась на границе строки. Сотрудник увидел фигуру и подошёл к выключателю.

— Подтверждать операцию не буду, — сказал он. — Если что-то выйдет за экран, снимаю питание.

Лиза кивнула. На экране остались доступными поля тестовой карточки, кроме автора. Она убрала надпись «Кому: дежурному» и выделила предложение «Прошу проверить обращение». Вместо него ввела факт: «Я нахожусь у стола просмотра. Время 00:14».

Ниже оставила свободное поле ответа и распечатала карточку. Такой лист можно было получить без оформления архивной копии; сотрудник проверил, что в нём только её новый текст.

Лиза положила его на стол, не протягивая Виктору. Минутная стрелка часов сдвинулась. Нового номера обязательства не появилось. Инспектор остался в старом поле, но к карточке не потянулся.

— Пока лежит, ничего не назначается, — сказала она.

— Или назначение ещё не видно.

Лиза записала эту поправку на отдельном листе. Затем развернула карточку так, чтобы Виктор мог прочитать, и отодвинула руку.

— Можешь оставить её без ответа.

Он прочитал время, посмотрел на Лизу и взял свою ручку. В свободном поле написал: «Я рядом. Могу сравнить эти две строки журнала с бумажной записью. Только сейчас». Поставил имя и вернул ручку в карман.

На экране возникло «Ответ добавлен», хотя бумагу никто не сканировал. Строка обязательного исполнения оставалась пустой. Виктор записал, что увидел сам.

— Ответ принадлежит тебе, — сказала она. — Я не назначила его заранее.

— И я выбрал одну работу. Не любую помощь.

Он придвинул к себе свидетельство о переезде и сравнил время. Потом отложил лист и отошёл к соседнему столу, остановившись там, где выбрал сам. Лиза не стала просить повторить.

Инспектор повернул голову к распечатке, но в старом поле новое имя не появилось. Лиза накрыла карточку чистым листом.

— Для этой карточки сработало, — сказала она. — На другом месте надо будет проверять заново. Адрес передать мы ещё не научились.

— Место ты указала.

— Где я сейчас. А не куда должен идти получатель. Это разное.

Лиза подумала о матери. Если та снова попросит единую форму, придётся спорить: подпись Дома не заменяет ответа человека. Она написала на обороте своего рабочего листа: «Автор моей записи — я. Автор ответа — Виктор». Виктор прочитал и подписал только свой ответ.

— Так оставлять сеанс нельзя, — сказал сотрудник. — У вас там пустой автор.

— Поэтому он туда и лезет. Оставим, пока вы рядом. Карточку с ответом заберём.

— Хочешь дать ему место, куда он будет писать? — Виктор посмотрел на неё.

— Одно. Чтобы увидеть, какое имя он возьмёт вместо моего. Без следующего подтверждения.

На мониторе у стойки появилось уведомление. Сотрудник распечатал его, сверил учётную отметку с документом Лизы и передал ей лист. Лиза прочитала: «Профиль выдачи архивных копий закрыт как недостоверный. Постоянно. Повторная активация не предусмотрена».

Лиза прочитала до конца. Прежде ей отказывали в выдаче, теперь закрыли сам профиль. За каждой разрешённой копией придётся посылать человека, готового получить её под своим именем.

— Можно оформить через меня, — сказал Виктор.

— Сегодня можно. Завтра тебя рядом не окажется.

Лиза убрала документ в карман. Неполнота задержала инспектора, но опять лишила её обычной возможности. Благодарность за спасение не делала эту утрату благом.

Лиза закрыла личные обращения, оставив пустую карточку проверки. Сотрудник остался у выключателя. Виктор следил за экраном, пока она переносила бумаги на соседний стол.

Инспектор втянул ладонь в поле автора. Голова опустилась к нижней границе, и фигура сложилась в вертикальную белую черту. Лиза вернулась на один шаг, чтобы различить строку, не касаясь клавиатуры. Черта мигнула, сдвинулась вправо и оставила первую букву. Следом появилось «Мари». Лиза положила рядом лист с отзывом словаря: имя матери в нём начиналось так же. Курсор продолжал двигаться в пустом поле автора.

Глава 13. Удобное решение

Пока дежурный проверял пропуск, Марина переложила папку в левую руку. Правое плечо болело после вчерашней работы у стены. Виктория дождалась её возле двери, под листом аварийного словаря с побелевшим краем.

В городском оперативном штабе речь ещё была слышна. Однако возле окна сотрудник безуспешно звал напарника. Пришлось взять его за рукав и показать пустое сообщение на телефоне.

Марина вошла в зал совещаний. На столе перед свободным стулом лежала копия её подписи под словарём. Время окончания, которое она указала вчера, было закрыто штампом о продлении до завершения аварийного режима.

— Я это продление не подписывала, — сказала она.

— Вы подписали исходный документ. Продление оформлено решением штаба. — Руководитель смены подвинул к ней лист.

Марина оставила копию на столе и села. Вчерашний отзыв превратился в ещё одно подтверждение. Ей нужен был доступ к записям о назначении исполнения.

Власов отодвинул стакан, освобождая край стола. Марина положила туда заверенную запись из муниципального архива.

— Мне нужны журналы emergency_admin. И решение об отмене бессрочного действия словаря.

— Давайте сначала посмотрим, что случилось за ночь, — ответил он.

У противоположного края стола подняла голову Ирина Павловна Ратникова. Перед ней лежало удостоверение участницы внешнего наблюдения. Марина вспомнила пустые строки в документах Лизы и крепче сжала папку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.